

ЕЛЕНА БУЛГАНОВА

Найти
Выход там,
где его нет

ИНСОМНИЯ

ДЕВОЧКА

КОТОРАЯ

ЖДЕТ

Война
уже на пороге

Инсомния

Елена Булганова

Девочка, которая ждет

«РОСМЭН»

2019

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Булганова Е.

Девочка, которая ждет / Е. Булганова — «Росмэн»,
2019 — (Инсомния)

ISBN 978-5-353-09150-9

Вторая книга фэнтези-серии «Инсомния» писательницы Елены Булгановой, автора популярного цикла «Вечники». Алеша и Иоланта многому научились в лагере для подростков-атлантов и в подземных мирах. Но вскоре на ребят обрушивается лавина странных событий: школьный тренер втягивает учеников в жутковатые игры на выживание, директор лагеря и его жена бесследно исчезают в Нижнем мире, кто-то могущественный словно испытывает силы и способности юных атлантов, провоцирует их раскрыться... Кто же хочет сравить человечество и самые древние расы на Земле? И какое отношение ко всему этому имеет таинственный Орден?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-09150-9

© Булганова Е., 2019

© Росмэн, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	33
Глава пятая	41
Глава шестая	50
Глава седьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елена Булганова

Девочка, которая ждет

Фэнтези-серия «Инсомния»

© Елена Булганова, 2019

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2019

* * *

Глава первая Тренер Гай

Новогодние каникулы закончились в понедельник.

И кажется, первый раз за восемь лет я действительно был рад началу занятий. Всего за пару месяцев моя жизнь заложила такой крутой вираж, что аж дух захватывало. А после приключений, не всегда безопасных, здорово было снова очутиться в школе, только на этот раз совсем другим человеком. Я предвкушал, как будут поражены мои одноклассники, узнав поближе нового меня, круглого отличника, нет, вундеркинда, спортсмена и вообще крутого парня без вечного попадания впросак.

Теперь я буду сидеть за одной партой с Димкой Васильевым, и, надеюсь, нам все же удастся по-настоящему подружиться. Девочки, Бриджит и Иоланта, станут учиться в параллельном – Соболь объяснил это тем, что невозможно было впихнуть нас всех в один класс. Хотя наверняка просто решил снизить концентрацию атлантов в отдельно взятом помещении, чтобы не привлекали к себе излишнего внимания. В глубине души я даже радовался такому раскладу: не хотелось постоянно наткаться взглядом на Иолу. Хотя у нас больше не было повода для взаимной ненависти, а мои злоключения в Черных Пещерах здорово сблизили нас... но что-

то все равно мешало нам нормально общаться. И я, как обычно, выбрал позицию страуса – просто избегал Иоланту.

Город стоял белый и холодный, за одну ночь иней расписал морозной вязью каждую ветку, каждое оконное стекло. Было странно думать, что теперь я больше никогда не почувствую холода, не придется растирать уши и размораживать, покряхтывая от боли, пальцы под теплой водой. Впрочем, глядя на пламенеющие от ветра лица прохожих, жалеть мне об этом не приходило в голову.

Вот и школьный двор, непривычно пустой, школьники проносились мимо на полных скоростях, торопясь в тепло, и только одна живописная группа в самом центре двора никуда не спешила. Бриджит, Димка и Иван стояли плечом к плечу – похоже, ребята пытались спасти от полного окоченения Ваньку, одетого так, будто на улице был месяц май: короткая зеленая ветровка поверх растянутого свитера, из рукавов торчат посиневшие запястья, вихрастая голова без шапки. Бридж и Димка оделись вполне по погоде, хотя, как и я, больше не реагировали на мороз.

Июлы среди них не наблюдалось, да я и не ждал, что сегодня увижу ее: на третий день после нашего возвращения из мира Древних она отбыла в Волгоград к родителям. Ее отец и мать были так потрясены исчезновением дочери из больницы, что все это время разыскивали ее самым самоотверженным образом. Вдохновенный рассказ Соболя об их усилиях чуточку смягчил Иолино отношение к родителям, и она после недолгих препирательств согласилась их навестить. А там, догадываюсь, оказалась в коконе такой любви и восхищения, что окончательно растаяла. Пару раз мы с ней созванивались, в последнем разговоре она предупредила, что задержится на один учебный день, чтобы впервые в жизни отпраздновать в семье день рождения Юли, младшей сестренки.

– Хей! – Димка первым меня заметил, запрыгал и замахал руками.

Я подошел к ребятам со словами:

– Вы чего тут, делаете из Ваньки ледяную скульптуру?

Мой большой друг метнул на меня колючий взгляд и постарался не трястись и не клавать зубами.

– Выполняем заветы Соболя, – уточнил Димка. – А он велел все атлантские дела обсуждать вне школы, подальше от чужих длинных ушей.

– И какие это, к примеру, дела?

– Ну, например, такие, что наш директор и мадам Софи сегодня ночью отбыли в мир Древних.

– Наконец-то! – У меня словно ледяная глыба с души соскользнула.

– Да, Великий Жрец поздно вечером прислал к нам на лифте циклопа с разрешительной грамотой, – улыбнулась счастливо Бридж. – А мы уже начали опасаться, что он окончательно разорвал отношения с нашим лагерем.

– Теперь они враз найдут Данко!

– Само собой!

«Если еще не слишком поздно», – вот что я подумал на самом деле, на миг обмирая от ужаса. Но немедленно прогнал от себя эти мысли: в мире Древних достаточно безопасно, и в кого бы ни превратился отважный флэм в Пещере Ложных Воспоминаний, – он должен быть в полном порядке. И станет прежним, едва активизируется хранящий его личность браслет.

– А что слышно о твоей сестре, Леха? – вывел меня из раздумий голос Васильева. – Она все еще с этим гадом?

Мне от этого вопроса стало как-то неуютно. Но отвечать пришлось:

– Как будто у нее теперь есть выбор! Ну, хотя бы звонит иногда по ночам. Поклялась родителям, что будет учиться в экстернате, но не говорит, где живет. Родители решили на нее

пока не давить, чтобы не было хуже. Типа когда такая страсть, недалеко до беды. А так, может, прибежит через месяц домой, поджавши хвост. Наивные.

– А ты сам с ней не говорил? – никак не отвязывался Димка. – Не растолковал ей насчет этого Печерского, что он за гадская сволочь?

– А смысл? Ну, говорил, рассказал ей в подробностях, что тогда случилось под землей, что этот тип собирался с нами сделать. Она плакала. Но бросить его она все равно ведь не сможет!

– Почему? – вступил в разговор Иван, едва шевеля бело-сизыми губами. – Чего не бросить, если гад?

– Ну, это трудно объяснить... – завел я, а Дима за Ванькиным плечом картинно закатил глаза. – Это связано с нашей природой...

– Ну и не надо, – оборвал меня Разин. – Обойдусь без твоих дурацких объяснений...

И глянул из-под покрытых инеем бровей так, будто я никогда не был его лучшим другом.

– Июла прилетает сегодня или завтра, – сменил я тему, чтобы разрядить обстановку. Но Ванька по неизвестной причине рассвирепел еще больше:

– Да, блин, без тебя всем известно! Думаешь, только ты с ней на связи? Они с Таськой каждый день по часу триндят!

Я понял, что друга пора тащить в тепло, пока он не замерз насмерть или окончательно не вызверился на всех, и первым зашагал к школе.

– Линейка на третьем этаже! – такими словами всех у входа в раздевалку приветствовала завуч. Меня она вдобавок окинула с ног до головы крайне подозрительным взглядом: не забыла еще прошлогодние мои «подвиги». – В столовую и туалет не сворачиваем, в раздевалке не прячемся, неявка приравнивается к пропуску урока.

– Что за фигня, с первым сентября попутали, что ли? – опять заворчал Ванька, шумно дыша на побелевшие пальцы. – Айда в столовку, чаю горячего хряпнем!

Школа носила следы недавнего поспешного ремонта, в раздевалке вдоль дальней стены выстроились два двухсотлитровых бочонка с краской. На один из них Разин и уселся верхом, нахохлился, как воробей под дождем.

– А давай, – сказал я больше для того, чтобы вернуть расположение своего друга, непонятно каким образом утерянное.

Но, выйдя наружу, мы немедленно попали в общий поток учащихся, а он неудержимо увлекал нас в направлении рекреационного зала на третьем этаж.

Ученики школы, кроме младших, уже выстроились, галдя и пихаясь, вдоль трех стен зала, как раз напротив кабинета директора. Мы вчетвером сразу полезли в задние ряды, а там Иван одной рукой смел с подоконника каких-то пятиклашек и галантно предложил вакантное место Бриджит. Девочка отказалась, и тогда на подоконник уселись мы с Димкой, пригнув головы, чтобы не возвышаться над толпой. Разин устроился на корточках рядом с подоконником, и все равно его голова находилась примерно на одном уровне с нашими. Бридж прислонилась к оконному проему, и мы шепотом продолжили обсуждение наиглавнейшей темы: как быстро Соболь с мадам Софи отыщут Данко и вернут его домой? Не затаит ли флэм на нас обиды из-за случившегося? А может, наоборот: после таких приключений перестанет мечтать о долговременной заморозке и переберется с семьей на ПМЖ в наш подземный лагерь? Вот это было бы классно.

Краем глаза я все же отслеживал происходящее. Когда гам на этаже достиг своего апогея, разом распахнулись обе створки дверей кабинета и наш директор Петр Петрович, энергичный и сияющий, предстал перед толпой. Я вдруг сообразил, что никогда не видел директора вблизи, даже после всех моих художеств первого полугодия ни разу не был доставлен к нему в кабинет. Объяснялось это просто: наш директор постоянно находился в разъездах, набирался опыта

на всевозможных семинарах и симпозиумах, там же делился собственным. В школе он был редким гостем.

Следом за ним из кабинета посыпались учителя, мне в разной степени знакомые. Лишь один мужчина, который вышел последним и встал немного в стороне, точно был здесь человеком новым. Выглядел он как-то непривычно для школы, хотя, что в нем странного, я поначалу не понял. Разве что очки, большие, квадратные, с угольно-черными стеклами. На всякий случай я даже поискал глазами белую трость, но ничего такого не обнаружил. Прямые желтые волосы мужчины скрывали лоб и щеки, так что был виден только выпирающий крючком подбородок и длинные багровые губы, будто он только что поцеловался с раскаленным куском железа. И еще мне показалось, что другие учителя косились на него как-то подозрительно, даже тревожно.

Но директор-то явно был всем доволен. Его круглое румяное лицо буквально лучилось, когда он принялся толкать речь:

– Мои дорогие ученики всех степеней прилежания! Вот и долгие праздники позади, теперь самое время стиснуть зубы и взять курс на учебу до победного конца, то есть до летних каникул...

Я привычно отключился. Терпеть не могу всяких пафосных речей.

Ванька с Димой как раз поспорили о том, через сколько дней вернутся из Нижнего мира Соболи. Ванька ставил на два, Димка – на один и уверял, что в лагере их ждут уже к вечеру, старшие ребята даже праздничный ужин готовят.

Бридж взволнованно вертела головой, изучала новую обстановку.

– И наконец, хочу вам представить нашего нового учителя физкультуры. Человек это необычный, много где побывавший, много чего повидавший. Он родился в России, но долго жил за границей, путешествовал по миру, самолично разработал интереснейшую программу под названием «Игры Жизни». Помимо основных занятий, мистер Гай Малодий будет заниматься с желающими в выходные дни по этой своей программе. И уверен, эти занятия для многих из вас скоро затмят компьютерные стрелялки и сериалы про супергероев. Сейчас он сам вкратце вам расскажет...

– Мистер? – пробормотал ошарашенный Разин. – А как мы его на физре понимать будем, у меня инглиш вообще по нулям.

– Он из России, дубина!

– Так, пошли поболтаем. – Иван схватил Димку за грудки и попытался стащить с подоконника.

Я раздраженно стиснул зубы: Разин упорно не понимал, кто мы такие и во сколько раз сильнее его, а Васильев со времени нашего путешествия никак не мог уговориться и прекратить задирать Ивана. Бриджит, конечно, сразу бросилась разнимать и мирить парней, так что речь тренера также прошла мимо моих ушей.

И затем всем было велено расходиться по классам согласно расписанию. Ванька мигом слинял – подозреваю, совсем смылся из школы, решив, что программа первого дня занятий им выполнена сверх меры. А мы с Димкой проводили Бриджит до ее нового класса.

– Не переживай, тебя хорошо встретят. В России вообще любят иностранцев, даже больше своих, – напутствовал ее Васильев.

Бридж в ответ согласно кивала, ее массивные очки при каждом кивке съезжали на кончик носа:

– Я не переживаю. Давно привыкла к переездам.

– Супер! Встречаемся на перемене в буфете.

Оставшись вдвоем, мы без особой спешки побрели сквозь галдящую толпу к нашему классу. На первый в полугодии урок никто не торопился, да и учителей пока было не видеть – возможно, директор, пользуясь тем, что в кои-то веки оказался в школе, раздавал им в учительской ценные указания. И тут кто-то сзади саданул меня в спину. Наверное, удар был сильный, но я ощутил его просто как короткое давление в районе позвоночника. Оглянулся – передо мной стоял, на-бычась, Паша Карлов. Вот же гадство, я так надеялся, что он куда-то испарился за это время!

– Вернулся, черт... не побоялся...

Мой враг сильно изменился. Он больше не гримасничал, не орал и не изображал крутого. Наоборот, говорил тихим, словно стертым голосом, едва шевелил губами, сильно горбился. Но не стань я тем, кем стал, испугался бы его даже больше, чем прежнего. Потому что сейчас передо мной стоял человек отчаявшийся.

– На это посмотри...

Он с заметным усилием приподнял и вытянул в мою сторону правую руку, а левой отдернул рукав свитера до самого предплечья. Резко пахло потом. Рука, которую он демонстрировал, больше не была прямой, а какой-то дугообразной, кисть под углом уходила в сторону. Чтобы держать руку на весу, Карлов подпирал ее другой, на его лбу крупными каплями выступила испарина. Наконец рука безжизненно рухнула вниз.

– Срослась неправильно, в курсе, – пробормотал я. – Отец оплатит новую операцию, мы с ним уже говорили...

– Плевать мне на твоего отца, – все тем же тихим голосом перебил меня Паша. – И на его подачки. Но тебя я убью. Это точно.

– Ладно, пошли. – Димка подтолкнул меня плечом. – Опаздываем.

Я машинально прошел с десятков шагов, оглянулся и увидел, как Карлов бредет по коридору в противоположную сторону, жмется к стене, защищая искалеченную руку. Вдруг захотелось догнать его и попросить прощения. Хотя понимал, что извиняться мне не за что, да и смысла нет.

– Вот же черт...

– Заканчивай это! – рявкнул на меня Василев. – Не будь ты типа не совсем человеком, он бы тебя тогда еще убил. Или искалечил на всю жизнь. Так что все по справедливости и нечего тут!

– Да, точно...

Мы уже входили в класс. И если на Димку все таращились с любопытством, как на любого новенького, на меня – с опаской и изумлением. Наверняка думали, что я давно уже в психушке парюсь или в колонии. Классная Маргарита Петровна тоже выглядела ошарашенной, даже Васильева толком не представила, пробормотала лишь:

– Ну, занимайте места, мальчики.

Свободных парт не оказалось, только две девочки в разных концах класса сидели поодиночке. Я направился к одной из них, но одноклассница – имени ее я не знал или забыл – с коротким отчаянным писком вскочила на ноги, сгребла в охапку вещи и метнулась через класс к другой девчонке.

Димка, очень довольный, тут же присоединился ко мне. Мы достали учебники, Васильев с интересом покрутил в руках «Алгебру» для восьмого класса. Спросил:

– Ты на какой странице в прошлом году остановился?

Я показал.

– А давай до конца учебника, кто быстрее, ага? А для проверки – по три вопроса друг к другу.

– Поехали!

И мы с головой ушли в книги, не отвлекаясь на то, что там объясняет у доски учительница. За минуту до звонка почти одновременно захлопнули учебники. Формулы громыхали и цеплялись друг за дружку в моей голове, я чувствовал себя способным на раз разрешить оставшиеся пять проблем из списка Гилберта, и парочку к нему прибавить. Как и договорились, обменялись с Димкой вопросами-ответами, пожали друг другу под партой руки в знак того, что победила дружба, а тут и звонок прозвучал. По пути на следующий урок мы немного помыли косточки Эрику Ильичу: ну и с какого перепугу он засунул нас в школу, чего, спрашивается, хотел доказать? И следующие два урока (физика и английский) просто резались в «морской бой», успев между делом по пятерке на брата схлопотать.

Четвертым в этот день был урок физкультуры. В раздевалке вовсю обсуждали нового тренера, на меня особого внимания никто не обратил. Только Слава Спирин, классный активист, покосился с видом крайнего недоумения:

- Ты чего, Громов, на физру собрался?
 - А что странного?
 - Ну, тебя вроде раньше всегда освобождали по здоровью...
 - Прошли те времена, – ухмыльнулся я и зашагал напрямиком в зал.
- Димка догнал, легонько ткнул меня кулаком в бок:
- Не установи, часом, какой рекорд, Соболю это не понравится.
 - Сам не установи!

Он уже стоял посреди зала, наш новый тренер, в спортивном костюме выглядел внушительно, как монумент. А очки так и не снял. Каждому входящему в зал он жестом показывал на стену, типа стройтесь. Выстроились привычно, по росту, я попытался остаться рядом с Васильевым в центре шеренги, но тренер движением пальца послал меня в начало, где я встал вторым после худосочного и какого-то ломкого даже на вид, зато высоченного Спирина. Наконец все выстроились, повозились и замерли, с любопытством разглядывая тренера. Я опять задумался, что не так с его лицом... ого, да на щеке ожог вроде...

– Приветствую класс, – произнес Гай Малодий. Станный у него оказался голос, гулкий и цокающий какой-то. – Традиционной переключки не будет. Сперва хочу посмотреть, на что вы способны и стоит ли на вас вообще тратить время. Пробежка. Вперед, пошли!

- Сколько кругов? – тут же спросил уважающий точность во всем Спирин.
- Сколько выживете, – растянулись в усмешке бордовые губы.

И мы побежали. Я для себя решил ориентироваться на середнячков, чтобы никак не выделяться, пропустил вперед с десяток ребят и присоединился к Димке. Сначала мы просто болтали с ним на бегу, пока на меня не свалился откуда-то сбоку Миша Ионов, главный ботан нашего класса. Я подхватил его и прислонил к стене, побелевшее лицо парня казалось целлюлоидным от слоев пота.

- Бежим, бежим, – на одной ноте тянул тренер.

– Мы так подолгу никогда не бегаем! – выкрикнул, точнее сказать, пропыхтел кто-то с конца колонны.

Некоторые уже еле плелись в самом хвосте, но сойти с дистанции пока никто не решался. Что-то было в этом тренере такое... жутковатое. Стоило ему направиться в сторону двух рхнувших на кучку матов девчонок, как те в панике вскочили и присоединились к бегущим.

– Я желаю знать, с кем в этом коллективе мне есть смысл работать, – размеренно твердил тренер, – а кто есть просто шлак, ни на что не годный и лично мне не интересный.

- Чел конкретно хамит, – на бегу хмыкнул Димка. – Чего, в школах теперь так принято?

– Слушайте, вы не должны так с нами разговаривать! – возмутился, выскакивая из шеренги в центр зала, Славка. – Мы можем и директору пожаловаться.

- Стоп! – рявкнул тренер, и колонна мигом застыла.

– Каждый, кто критикует мои методы, немедленно удаляется с урока, – медленно проговорил тренер Гай, разглядывая на просвет собственные ногти. – И впоследствии все зачеты проходит в индивидуальном порядке. Директор предупрежден о моих методах. Так что храбрца попрошу за дверь.

– У меня права есть! – жалобно пискнул деморализованный Спирин.

– Слизняк, наделенный правами, – угроза всей цивилизации, – последовал немедленный комментарий. – Попасть в мою дополнительную программу смогут лишь прошедшие «зеленую милю». А сейчас продолжаем бежать. Ты – за дверь! – Это к уцепившемуся за косяк Спирина.

– Можно мне остаться? – униженно попросил тот.

Тренер почти минуту жевал свои и без того багровые губы, потом сказал:

– Хорошо, на первый раз я прощаю нахальство. Но поскольку ты дерзнул говорить от лица класса, не будешь ли так любезен теперь и пробежать за класс?

Славка растерянно кивнул – и побежал. Мы, кто с матов, кто со скамейки, наблюдали за ним сочувственно: при своем росте выносливостью парень точно не отличался. Но бежал упорно. Через десяток кругов он уже сгibalся пополам, рвотные позывы заставляли его судорожно дергать шеей, грудь вздымалась рывками.

– Все, не могу больше на это смотреть! – Васильев, подскочив на ноги, перехватил Славу, толкнул на маты, вскинул руку: – Тренер, я бегу за него!

Мистер Гай лишь усмехнулся. Пару кругов он действительно наблюдал за Димкиным равномерным бегом, потом процокал:

– Достаточно. Лично меня этот доброволец не впечатлил, а только лишь продемонстрировал презрение к товарищам и свое превосходство над теми, кто слабее.

Когда Васильев вернулся на скамью, лицо его пылало, и уж точно не от пробежки.

Урок закончился, но никто не двигался с места. Тренер Гай довольным взглядом скользнул по лицам и сказал:

– Что же, из всего класса могу выделить лишь двоих, кто сумел внушить мне хоть крохотное уважение. Буду рад видеть их на дополнительных занятиях в воскресенье.

И указал на Спирина и еще почему-то на Витьку Пронина, того парня, который когда-то отказался сидеть со мной из страха перед Карловым.

– Оставайтесь пока в зале. Остальные – свободны.

– Он что, вправду думает, что хоть один идиот попрется в выходной день на эти его идиотские занятия? – проворчал Димка по пути к раздевалке.

Физкультура у нас была последней в этот день, а вот Бридж предстояло еще урок проторчать в школе. Мы с Димкой приняли решение побродить пока по центру, чтобы вернуться за ней через час. Васильев еще плохо знал город, я собирался это исправить и почему-то непременно рвался начать обзорную экскурсию с музыкальной школы.

В школьной раздевалке удушающе воняло краской, похоже, кто-то вскрыл один из бочонков. Я бросил взгляд на вешалку нашего класса... потом еще и еще раз... но так и не обнаружил на ней своей новой зимней куртки ярко-синего цвета. Пришлось перебирать висящие одежды. Безрезультатно. Рядом со мной недовольно пыхтел Димка, потом спросил:

– У вас тут принято чужие вещи перевешивать? Все, пальто тю-тю. И мешок со сменкой тоже.

– Раньше вроде не бывало такого...

Я побрел вдоль вешалок, начиная с самых низких, для пятиклашек. Тем временем Димка куда-то исчез, а потом я услышал его полный ярости вопль из самого дальнего от входа угла. Подбежал и увидел, что мой товарищ, вооружившись забытой в раздевалке шваброй, тыкал черенком в нечто вроде снежного сугроба, непонятно как выросшего в теплом помещении и пахнувшего далеко не зимней свежестью. Время от времени за швабру что-то цеплялось: то

какая-то тряпка с завязками, то длинный кусок ткани типа пояса, местами чудом сохранивший синий цвет и блеснувший напоследок из-под слоев краски металлом застежки.

– Что это за хрень такая?! – возмутился я.

– Ага, вот и мое пальто, – вновь подцепив что-то, невозмутимым голосом подвел итог Димка. – А весело у вас тут.

Только мне совсем не было весело... Да чего там, я просто трясся от ярости. Потому что догадывался, кто мог такое сделать. Постоял пару секунд, сжимая кулаки, да и рванул обратно вглубь школы. Димка, ясное дело, отшвырнул швабру и помчался следом.

Этого типа я еще по пути в раздевалку приметил краем глаза через распахнутые двери столовки. Он и теперь был там, стоял вполоборота у окна и поглощал пирожок с таким вороватым видом, будто спер его с прилавка и теперь в спешке замечает следы. Я подскочил и ткнул парня указательным пальцем в грудь. Этого оказалось достаточно, чтобы он отлетел на пару метров и едва не кувырнулся через свободный стол. Но удержался и присел на корточки у ножки стола, глядя на меня со страхом и недоумением.

– Твоя работа, да?! – взревел я. – Там, в раздевалке?!

– Что такое... я ничего... в чем проблема-то, – зачастил он, кашляя и роняя изо рта непрожеванные куски.

Довольно высокий, возможно, второгодник, худощавый переросток с неряшливыми серыми патлами. Я даже имени его не знал, для меня он просто был «один из банды Карлова».

– Ты нашу одежду краской залил? Сейчас будешь языком эту дрянь счищать!

– Эй, потише, Лех, орешь на всю школу. – Димка вклинился между нами, развел широко руки, удерживая меня на безопасном расстоянии от парня.

– Это не я, чего вы придумали? – забормотал тот, предобморочно белея. – Зачем бы мне?..

– Тебя Пашка по старой дружбе попросил, разве нет? Или сам решил отомстить за своего главаря? Один или с дружкой?

– С к-каким дружкой? – Теперь он просто давился кашлем. – Его в другую школу перевели, еще в том году. А Пашку я вообще не видел сегодня. Я с ним даже не общался с тех пор, как...

– Ага, так я тебе и поверил!

Я дернулся вперед, но Димка был начеку и снова встал у меня на пути. Я схватил его за плечо, намереваясь отшвырнуть в сторону; тихий вскрик и искаженное лицо приятеля разом привели меня в чувство. Махнул рукой и пошел прочь из столовой, под настороженные взгляды разновозрастных школьников и грозные вопли буфетчицы.

Васильев скоро догнал меня, молча пошел чуть в сторонке. Я скосил глаза на его побелевшее лицо с крепко стиснутыми губами и пробормотал упавшим голосом:

– Слушай, прости! Я чего-то забылся, правда. Не очень больно?

– Переживу. Но, Лех, ты понимаешь, что мог сейчас изувечить того типа, и не как Карлова, а капитально? Ты вроде раньше нормально себя контролировал. Что сегодня на тебя нашло?!

Мне нечего было ответить ему. Все правильно, раньше я никогда не был агрессивным, скорее наоборот. Сила, что ли, ударила в голову? В душе я нещадно грыз себя за последние пять минут жизни.

– Ну, что будем делать? – вроде как оттаял Димка, когда мы снова оказались у дверей раздевалки.

– Не знаю, может, сбегает ко мне домой за другой одеждой? Там и для тебя чего-нибудь подберем. Из прошлогоднего, – не удержался, съязвил я: все же Димка был ниже меня на полголовы.

– На улице минус тридцать, не забыл? Классно мы будем выглядеть без верхней одежды!
– Тогда рванем так, чтобы не успели толком рассмотреть. – Нет, – посерьезнел Васильев. – Эрик Ильич просил контролировать себя, не палиться даже по мелочам, а мы в первый же день наломали дров. И так вся столовка заметила, как ты одним пальцем нокаутировал того типа. А я на физре выпендривался, как осел. Хватит уж на сегодня!

– И что предлагаешь?

– Давай звякнем Ивану и попросим подогнать каких-нибудь вещичек.

– Да нет у него ничего, не видел, в чем он в школу приперся? – Я сам удивился тому, что сказал эту фразу вроде как с презрением. Да что со мной такое сегодня?!

– Всё у него есть, он из других соображений так вырядился, – отрезал Димка. – Слушай, Леха, хорош уже. Ты же не девочка, чтобы бузить в определенные дни. Я понимаю, Иоланта сейчас в отъезде...

– Это тут при чем?

Я действительно не понял, что он имеет в виду. Мне от отъезда Иолы было ни холодно ни жарко. Мой товарищ глянул озадаченно, передернул плечами:

– Ладно, значит, ни при чем. Давай звони Ивану.

Пока я вкратце объяснял Ваньке ситуацию, Димка устроил допрос техничке, нашей бдительной тете Рае. Обычно в свободное от уборки время она сидела, как в засаде, на табурете в учительской раздевалке, откуда хорошо просматривался весь холл на первом этаже. И возникала на пороге при первых признаках беспорядка. Сейчас бедная старушка держалась за сердце и громко причитала:

– Ох, божечки святы, говорила же я рабочим, чтобы унесли краску в чулан от греха подальше! Нет, пообещали да и разбежались. А мне такую махину и от пола не оторвать. Вот и побегут теперь ваши родители жаловаться...

– Вы видели, кто входил в раздевалку? – гнул свое Васильев. – Ну, до того, как наш класс спустился?

Тетя Рая честно пыталась припомнить: поначалу малышня пронеслась, их после третьегопустили, еще раньше – «самый дерзкий на всю школу бандит и хулиган», Ванька, понятное дело. Еще «новый учитель, плечистый такой мужчина в очочках» – ага, это она о тренере. И больше никого. Техничка, разом забыв про сердце, поспешила наверх, первой в обход родителей предупредить завуча о проблеме.

– А в самом деле, – задумчиво согласился Димка, почесывая затылок, – такую махину никто не поднимет, школьник даже не наклонит. Хотя вот Разин смог бы, как думаешь?

– Не думаю. Зачем ему?

– Ну, в принципе, незачем. Тренеру тем более. Но не сама же бочка напала на наши вещички? Уже тащусь от вашей школы, вот честно.

Глава вторая

Тело в лесу

Так мы проболтали минут пятнадцать, а потом одновременно пришел Ванька с двумя пакетами и сверху сбежала оживленная и румяная Бриджит.

– Ну, как тебе класс? – спросил я первым делом.

– Они очень дружелюбные, – заверила меня девочка. – Только все время спрашивали одно и то же, даже надоело отвечать.

– Дай угадаю, – встрял Васильев. – Почему ты уехала из своей Америки и как сумела так хорошо выучить русский язык. В точку?

– Ага!

В этот самый момент завибрировал, зарычал телефон у меня в кармане. Я отошел от ребят, ответил, не глядя на экран, и услышал взбудораженный голос Иолы:

– Привет, а я только что прилетела в Питер!

– Ну, класс, – отреагировал я как-то вяло, видимо, слишком много случилось всего за одно только школьное утро. – Э-э-э, приехать за тобой в аэропорт?

– Вот еще! Сейчас на такси доберусь до центра, а оттуда пойду в лагерь. Просто решила тебя предупредить.

– Ага, спасибо, молодец, что набрала. Тогда я того... тоже в лагерь сейчас двину.

– Как хочешь. – Голос у Иолы заметно похолодел. – Все, пока!

Тут я собрался с мыслями и затараторил в трубку:

– Хотя, слушай, мы тут сейчас все вместе, уроки только закончились. Может, завалимся в кафе, отметим твое возвращение, первый школьный день, ну и вообще?

– Хорошо, – сразу согласилась Иоланта и вроде как оттаяла. – Куда мне ехать?

– Давай в «Часах», это как раз в центре. Мы там тебя подождем.

– Ладно, скоро буду, – проговорила Иола и отключилась. Я вернулся к ребятам и вкратце передал им суть разговора. Конечно, мою инициативу все одобрили, только Ванька немедленно из посиневшего – с мороза – сделался багровым. Он потоптался на месте и предложил:

– Слушайте, может, того, мне сеструху туда вызвонить? Они ж типа подружки. Иолка обрадуется...

Я чуть не подпрыгнул до потолка от такого предложения, заорал на весь первый этаж:

– Конечно, давай звони ей прямо сейчас!

И немедленно поймал на себе изумленные взгляды Димки и Бриджит. Но на это мне было плевать.

Да, я смертельно скучал по Тасе. Мы не виделись с того самого дня, точнее сказать, ночи, когда выбрались из Черных Пещер на поверхность земли. Я часами простаивал на балконе в надежде разглядеть хотя бы призрачный силуэт за окнами ее квартиры. Но почему-то эти окна теперь всегда бывали темны, вернее, на кухне и в комнате родителей свет горел, а в Тасиной комнате – нет. Если я звонил на домашний телефон, то трубку брал Иван, и приходилось на ходу сочинять причину звонка или бросать трубку. А на мобильник позвонить никак не решался.

Конечно, ничего в этом странного не было, наверняка уехала куда-то на остаток каникул, обычное дело. Но позвонить-то можно было! И расстались мы вовсе не в ссоре. Так что я даже малость опасался нашей встречи, хоть и мечтал о ней ежесекундно. Но будет намного лучше, если мы встретимся в компании, так легче пережить первые минуты неловкости. А там уж я найду возможность прояснить, что сейчас между нами происходит.

В общем, мы дружно покинули школу, немного побродили по городу, нагуливая аппетит, а потом заняли отличный угловой стол в кафе «Часы» на пересечении городской пешеходки и улицы Красной. И только официант раздал нам меню, как в зал вошла Тася.

Я едва не бросился к ней: показалось, мы не виделись целый год. И мне никак не удавалось понять, что в Тасе изменилось с последней нашей встречи. Вроде прежняя девчонка с примятыми под шапкой кудряшками, которые она на ходу пыталась причесать пятерней, со школьной сумкой через плечо, улыбается виновато, будто чувствует себя незваной гостьей. Она втиснулась рядом с братом на диванчик напротив меня – а я-то надеялся, место держал – и сразу уткнулась взглядом в меню, которое ей придвинул Димка.

– Тась, ты куда-то уезжала на каникулы? – не выдержал я. На всегда бледных щеках вспыхнул неровный румянец, меню выпало у нее из рук.

– Нет, почему ты решил?..

– Ну, во дворе тебя не видно, – ответил я расплывчато. Не признаваться же при всех, что я каждый час мониторю окно ее комнаты.

Поскольку Тася молчала и прятала от меня глаза, Ванька решил вступить за сестру, в своем духе конечно:

– Дрыхла она все каникулы, а что, имеет право! Чего дурацкие вопросы задаешь?

Хотел еще что-то добавить, но так и замер с открытым ртом и вытаращенными глазами, как будто за моей спиной возник призрак или всадник Апокалипсиса. А затем вскочил на ноги,

чуть не опрокинув стол и скинув с него все, что могло упасть. Я обреченно обернулся: через зал к нам шагала Иола.

Наверное, у меня глаза полезли на лоб: всего за несколько дней она изменилась так, что узнать было нереально. Волосы, обычно напоминавшие те мотки ниток, что так любила распутывать моя бабушка, теперь лежали по плечам идеально прямыми прядями и блестели, словно присыпанные бриллиантовой пылью. Широкие брови превратились в изящные росчерки. Сияли глаза, победно улыбались блестящие губы. Шерстяное красное платье как-то так ловко облегло ее фигуру, что у меня вдобавок пересохло во рту. Похоже, они с матерью зря времени не теряли.

– Что у вас новенького? Как школа? От Эрика Ильича нет вестей?

Вопросы сыпались такой лавиной, будто мы не виделись, как минимум, год. Но у нас и за это время накопилось, что ей рассказать. Мы с Димкой, перебивая друг друга, живописали историю уничтожения верхней одежды и наши попытки найти вредителя. Бридж рассказала о школьных впечатлениях, Тася – что-то о музыкалке. Помалкивал только Ванька.

Вернее, он то и дело открывал рот, напрягал шею, выпучивал глаза – но всякий раз запаздывал со своей репликой. И мне его было искренне жаль.

Потом у Таси зазвонил телефон, и она ответила почти шепотом, сильно смущаясь:

– Да... уже закончились... иду, я скоро.

И полезла искать под столом сумку, хотя свой чай только раз отхлебнула.

– Куда ты? – насторожился я.

– Мама звонила, волнуется. Я пообещала, что сейчас приду.

Ванька остался сидеть на месте с таким видом, будто мать Таси не имела к нему ни малейшего отношения. А может, пялился на Иолу и в самом деле ничего вокруг не замечал. Я же рванул следом за девочкой.

Догнал у самого выхода, где Тася неловко влезала в свою слишком тесную куртку.

– Я провожу, ладно?

Она решительно замотала головой:

– Нет, не нужно! Возвращайся к ребятам.

– Почему не сказала матери, что ты в кафе с друзьями?

– Потому что ей это не понравилось бы. Начались бы вопросы: какие друзья, откуда у меня деньги...

– Но ты же с братом!

– Поверь, это маму бы несколько не успокоило.

– Ты бегаешь от меня, что ли? – спросил я напрямик. – Не звонишь, на улицу не выходишь. Я что, обидел тебя? Не припоминаю...

– Алеша, ну не надо! – Тася попыталась обойти меня и прорваться к выходу.

– Что – не надо?

– Нам нужно поменьше общаться друг с другом.

– Еще чего! – возмутился я. – Теперь-то нам уж ничто не мешает встречаться без лишних глаз. Так что ты от меня не отделаешься.

Тася мотнула головой так отчаянно, что вязаная пушистая шапка сползла на глаза. Я хотел поправить, но девочка шарахнулась в сторону. Гардеробщица перегнулась через стойку и впиалась в нас подозрительным взглядом. Тася, заметив это, выскочила за дверь, я – за ней.

– Но в чем дело-то? Родители запрещают общаться со мной? Раньше тебя это не особо смущало.

Тася глотнула ледяной воздух и заговорила почти спокойно:

– Не в этом дело, Алеша. Просто я долго пробыла в одной пещере с Расколотой. И я теперь много всего знаю об атлантах, о вашей природе и связи между половинками. Мне точно нет места в вашей компании...

Вот тут я по-настоящему испугался и заорал:

– Есть! Что за чушь, ты же знаешь, что Иола мне совсем даже не нравится! Как девушка, я имею в виду. Конечно, мы с ней друзья и все такое. Но на этом и все.

– Сам знаешь, что это не так. Вы с ней связаны навсегда, вы – две половинки. О чем тут вообще говорить?

– Да нет же, ты ошибаешься! – Я был уже на грани паники. – Мы с ней – аномалия, вот и все. Рождаются же сиамские близнецы, к примеру. Так вот, мы – сиамцы наоборот: да, связаны от рождения, но на самом деле – порознь. И вообще, где сказано, что атлантские пары обязательно должны жениться? – Меня наверняка даже перекосило на этих словах. – Мы просто будем жить каждый своей жизнью, вот и все. Иолке я нужен еще меньше, чем она – мне. Что, не веришь?

– Это не так, – упрямо произнесла Тася.

– Что – не так?

– Иола любит тебя.

– Да чушь!

– Не чушь. Просто она ужасно гордая. Никогда не покажет своих чувств. Если она будет видеть нас вместе, то однажды просто исчезнет, потому что решит, что этим даст тебе свободу...

– Ну и исчезнет. В конце концов, никто не обязан страдать, если его кто-то любит. Ее проблема.

– Нет, Леша. Однажды ты тоже осознаешь, что не можешь жить без Иолы, потому что от природы не убежать. И тебе, может, придется обойти весь мир, чтобы ее найти.

Почему-то от этих слов у меня мороз пробежал по коже. Я передернул плечами, отвернулся, и Тася воспользовалась случаем, чтобы смыться. А я стоял и думал, думал... А потом заскочил внутрь за своей, точнее, Ванькиной курткой, которую гардеробщица специально долго искала, давая Тасе фору, и покинул кафе. Побрел в никуда. Брел и думал: нужно обязательно найти способ доказать Тасе, что все не так... не может быть так. Мы с Иолой – не такие атланты, как все прочие. Мы – аномалия, и мы свободны друг от друга.

На рассвете меня разбудил звонок стационарного телефона в гостиной. Полежал с подушкой на ухе, злясь на свой не в меру обострившийся слух, а потом вспомнил, что родители собирались с утра в Питер, и сполз с кровати. Телефон терпеливо названивал, пока я выпутывался из одеяла и нашаривал ногой тапки, так что пришлось все же подойти. Я снял трубку и услышал звонкий от раздражения голос сестры:

– Леша, ты? А где папа с мамой, почему им не дозвониться на мобилки?

– Наверное, они в машине и не слышат твоих звонков.

– Ясно... Пока.

– Стой, Кира, погоди! – заорал я. – Поговори со мной!

– Ну, чего тебе? – Беседа со мной явно не входила в сестрицыны планы.

– Хочу спросить, почему ты столько времени не приходишь домой. Родителям мало, знаешь ли, только звонков, они тут с ума сходят!

Пауза. Потом Кира нехотя процедила:

– Вот потому и не прихожу. Начнут давить, чтобы возвращалась. Под замок, может, и не посадят, но нервы помутят и вообще...

Тут я ее перебил:

– А если честно им все рассказать? Я бы тебя поддержал.

– Эй, ты серьезно? – натужно засмеялась сестра. – Хочешь спровадить родителей в дурдом?

– А тебе не приходило в голову, что кто-то из них должен быть таким же, как мы?

Кира примолкла. Потом протянула чуточку потеплевшим голосом:

– Слу-ушай, а ведь верно. Хотя даже вообразить такое странно. Не в курсе, кто именно?

– В курсе. Отец.

– Да ладно! Точно знаешь? Я бы на маму подумала, с ее вечными психами. Но как... Где же тогда его пара?

– Наверное, с ней что-то случилось. Или они просто упустили момент, чтобы соединиться. Связь распалась.

– Ужас какой, – выдохнула сестра. – Как же он живет так всю жизнь?

– Ты тоже жила себе много лет без пары и дальше бы отлично прожила. Если бы не этот тип.

– Прекрати, или я бросаю трубку! – В голосе Киры привычно зазвенел металл. – Даже не смей ничего говорить мне про Игоря!

Но меня уже было не остановить. Слишком много нервов мне испортил этот ее мерзкий Игорь.

– Кира, но он же гад, каких поискать! Ты же знаешь, что он хотел сделать со мной и Тасей! И с ребятами! А пара, которую он разрушил? Да ведь это в разы хуже, чем убийство! А наш Данко?

– Хватит причитать, как девчонка! – заорала сестра. – Я все это знаю! И еще много чего.

– И как же ты?..

– Молчи! Ты видишь лишь фрагмент картины, а я знаю всю правду. Игорь действует, борется. Да, иногда ему приходится поступать жестко, ничего не поделаешь. А ваш добренький директор просто морочит вам головы.

– Че-го?

– Того. Очень скоро ты поймешь, как ловко он использует вас в своих целях. А вы, дурачки, всему верите! Разумеется, мы с Игорем сделаем все возможное, чтобы спасти тебя. Но готовься к о-очень большому разочарованию!

Короткие гудки. Пару минут я простоял, испепеляя взглядом телефон. Не, ну ясное дело, Игорь дурит сестру. Что еще ему остается? Но хотелось бы знать, что именно он ей наговорил.

За ночь сильно потеплело, к коже липла влажная взвесь, сугробы оплыли и покрылись слюдяной коркой. За углом школы я наткнулся на Васильева – он поспешно очищал одежду от снега, наверняка неся через лес на предельной скорости. В ближайший сугроб воткнуты лыжи, поскольку наутро намечался лыжный марафон между нашим классом и параллельным, в котором учились теперь наши девочки.

– Марафон накрылся, похоже? – сказал я, держась подальше от летевших во все стороны капель.

Васильев поднял на меня настороженный взгляд:

– Не, в лесу нормалек, погоняем. Ты куда вчера подевался?

– Да так, дело одно образовалось, – проговорил я равнодушным голосом, давая понять, что обсуждать тут нечего.

– Дело? Ага. А мы тебя ждали сначала в кафе, потом в лагере. Звонили...

– Телефон разрядился.

Так оно примерно и было, после их сто первого звонка.

– Ты, чел, круто Иолку подставил, – рубанул с плеча мой товарищ. – Она, ясное дело, и виду не подавала, но это как-то неправильно...

– Что неправильно?! – взвился я. – Я что, подписывался от Иолы ни на шаг не отходить? Да кто она мне?! Дурдом какой-то, честное слово!

Васильев выпучил глаза, потер уши, словно засомневался в их нормальном функционировании. Открыл рот... и промолчал. Сгреб лыжи и зашагал в сторону школы, я – следом. Когда с шумного проспекта мы уже свернули на аллею, ведущую к школьному зданию, я спросил убитым голосом:

– Слушай, Дим, тебе вообще нравятся девчонки?

– Конечно, – с готовностью отозвался Васильев. – Мне Миленка нравится, Иола...

– Да я не о наших! Обычные девчонки, на улице или там в телике какие-нибудь?

– А, ну, ясное дело, еще как. Я же не этот, как его там... не евнух.

– Значит, получается, ты и влюбиться мог бы в такую, что особенно круто понравится?

– А ты мог бы напиться из этой лужи? – Васильев свирепо топнул ногой по раскисшему сугробу, щедро окропив мне лицо и одежду. По его лицу я усек, что брякнул что-то не то. И пробормотал:

– Ну, нет, не мог.

– Еще как мог бы! Если б загибался от жажды. Обыкновенные люди так и рождаются с этой жаждой внутри себя: найти другого, создать пару. А у нас этой жажды быть не может, на то мы и атланты, ясно? Против природы не попрешь.

Я хотел признаться, что с моей природой что-то не в порядке, но Димка, похоже, был доволен тем, как четко мне все растолковал. Повеселел и заторопился в направлении школьной спортплощадки.

Там собрались почти в полном составе два восьмых класса. Я поразился, обнаружив среди ребят Иолу, – не думал, что она примет участие в марафоне в свой первый же школьный день. И что врать – всячески оттягивал встречу с ней. Но она уже надела лыжные ботинки, а рядом, присев на корточки, Ванька Разин возился с ее креплениями и что-то объяснял, бурно жестикулируя. Я вспомнил, что Иола никогда в жизни не стояла на лыжах: вот и хорошо, нашелся добровольный наставник. Спрятался за чью-то спину и побрел в школьную пристройку за своим снаряжением.

Когда вернулся на прежнюю позицию, мне почудилось, будто атмосфера лыжных сборов здорово переменялась: болтовня и крики смолкли, никто больше не бегал и не швырялся снежками. Ага, понятно, пожаловал новый тренер. Черт его знает, как он умел так напрягать всех одним своим видом. В своих неизменных очках, хотя солнца не было и в помине, он уже толкал речь:

– В лесопарке размечены два маршрута, красные флажки и стрелки – для класса «А», оранжевые для класса «Б». Ваша задача: добраться до деревни Старая Мыза, отметить там у моего помощника и прежним маршрутом вернуться к школе, где буду я. Класс-победитель будет определен по количеству человек, вошедших в первую десятку на обоих пунктах...

Ну и что-то еще говорил, я уже не слушал особо. Ко мне подкатил Васильев, исполненный веселья и азарта, гаркнул в ухо:

– Ну что, покажем класс?

– Каким образом? – поинтересовался я достаточно кисло, наблюдая, как к нам направляются, болтая и поддерживая друг дружку, Иола и Бридж.

– Можно смотаться туда-сюда пару раз и четыре раза отметить!

Я закатил глаза – и этот человек вчера зывал к моей осторожности!

– Понял, перебор, – вздохнул Димка. – Тогда предлагаю устроить личные соревнования между нами и девочками. С условием, что Соединившиеся бегут в нашем темпе.

– Не пойдет, – сказал я, очень довольный, что удалось кивком как бы между делом поздороваться с Иолой. – Девочки первый раз стоят на лыжах.

– Тогда ты с Бридж, я с Иолой...

– Да прекращай уже! В лесу даже по утрам полно народу, кто-то обязательно увидит, как мы носимся.

Васильев помрачнел и сердито уставился на свои лыжи.

– И что предлагаешь, перестраховщик? Тащиться, как лохи, в конце колонны?

– Ну, зайдем в лес позади всех, где-нибудь на полянке поучим девочек лыжной технике.

Потом догоним, отметимся.

Так мы и сделали. Углубились в лес, нашли подходящую поляну с возвышением. Конечно же обучение много времени не заняло, и, понятное дело, учил Димка. Я только делал вид, что все это знаю едва ли не с пеленок, – и усердно мотал на ус.

В общем, через полчаса мы все могли претендовать на участие в очередной зимней Олимпиаде. Пора было догонять группу, пока наше отсутствие не бросилось в глаза. Расставаться не хотелось, поэтому шли по пламенеющим на фоне снега сочно-апельсиновым указателям нашего класса. Как вдруг летящая впереди нас всех Иола резко затормозила и взметнула вверх руку.

– Что?! – подлетел к нам Димка, до того петлявший между деревьями.

– Я слышала крики, – озадаченно отозвалась девочка, прислушиваясь.

– И что с того? Ликут ребяташки.

– Но звали на помощь.

– Ты слышал? – перевел на меня озадаченный взгляд Димка.

Я неопределенно мотнул головой, потому что за секунду до остановки думал совсем о другом. Вроде был какой-то шум. Но сейчас все стихло.

Все-таки мы добавили скорости и уже через минуту впереди увидели весь наш класс. Они сгруппировались на небольшой полянке, стояли плотно, плечо к плечу, рассматривали что-то на снегу.

Мы тут же поскидывали лыжи, пробились сквозь толпу и увидели лежащего на снегу человека. Средних лет дядька, грузный, без верхней одежды. И еще он был страшно избит, нет, изранен, так что даже снежный настил вокруг него порозовел, напитался кровью. Лежал на спине, в одной байковой рубаше, трениках и грязно-белых носках. Можно было принять его за мертвого, но раз в пару секунд он дергался, издавал что-то вроде икания – и тогда на его губах вспучивалась кровавая пена.

– «Скорую», блин, вызвали?! – заорал Васильев.

От его крика все малость пришли в себя, заговорили хором:

– Да, звонили... они свяжутся со спасателями... те будут еще нам звонить и согласовывать маршрут.

– Велели согреть и поддерживать в сознании до их появления, – сказала насморчным голосом Настя Хаваева, девочка крайне исполнительная и дотошная. – Но его даже касаться то страшно.

Димка сорвал с себя куртку, перешагнул сугроб, накрыл грудь и шею бедолаги. Его примеру последовали другие парни. А Бридж, без всякого страха присев рядом на корточки, осторожно обхватила руками голову мужчины, чуточку приподняла и повернула набок. Кровь потекла из угла рта тонкой струйкой, икать мужчина перестал.

– А ведь ты можешь его спасти.

Рядом со мной стояла Иола, глядела неотрывно на потерпевшего.

– Иначе не факт, что он вообще дотянет до больницы.

Конечно, я понял, что она имеет в виду. Мне ничего не стоило подхватить мужчину на руки и минут за десять или даже быстрее доставить его в приемный покой нашей городской больницы. Со спасателями это займет в лучшем случае час.

– Спалюсь разом.

– А если бы это был твой отец?

Я даже вздрогнул от такого вопроса. Понятно, будь это отец, я бы уже к больнице подбегал. И у этого мужика наверняка есть семья, любящие его люди. Но как же не хочется все себе портить из-за чужого!

– Я сама все сделаю! – отчеканила Иоланта, окатив меня презрительным взглядом. – А потом просто исчезну, чтобы некому было задавать вопросы. Ничего, буду заниматься в лагере, как и раньше.

Этого я не мог допустить, знал ведь, как мечтала Иола впервые в жизни по-настоящему учиться в школе. И надо же, в самый первый день! Я не знал, что сказать, поэтому просто схватил Иолу за руку. Рука оказалась неожиданно горячей, девочка возмущенно дернулась, стараясь освободиться. А я тем временем крутил головой, выискивая Диму и Бриджит, надеясь с ними вместе как-то решить проблему. Но ребят на поляне почему-то не оказалось.

А потом из чащи леса до меня донесся жуткий визг, будто кого-то разрывали на части. Я рванул туда – показалось, что кричит Бридж. Но теперь уже Иола перехватила мою руку со словами:

– Стой на месте! Ребята что-то придумали.

В чаще затрещало, потом грохнуло, снова раздался девичий крик. Я увидел, как верхушка высоченной сосны, которая возвышалась над более чахлыми и малорослыми сестрами, вдруг отломилась и с оглушительным треском начала падать. А потом из-за деревьев вылетел древний валун размером с овчарку и ухнул в снег в самом сердце полянки. Я ощутил, как дрогнула земля.

Мои одноклассники шарахнулись в разные стороны, настолько перепуганные, что даже кричать не могли. А камни продолжали лететь, уже не такие огромные, но все равно каждый не меньше футбольного мяча. Из-за деревьев выскочил Димка с выпученными глазами и закусенной губой – видимо, именно так он представлял себе гримасу ужаса. Заорал:

– Уходите все в лес! Бегите! Там что-то движется прямо сюда!

И замахал лихорадочно руками. Этого оказалось достаточно, чтобы все, кто был на поляне, устремились наутек, подальше от треска и грохота, забыв про истекающего кровью бедолагу. Я подскочил к Димке:

– Это что такое было?

Тот отдувался с довольным видом:

– Порядочек, Леха. Повезло, что Борька и Милена как раз в киношку намылились, иначе не дозвонился бы. А так они мигом примчались и устроили весь этот цирк. Сейчас Борис отнесет этого типа в больницу. А нам надо бежать за ребятами, проследить, чтобы никто и носа обратно не высунул.

Тут к нам присоединилась Бридж, и мы вчетвером понеслись по следам ребят. Напрасно мы боялись, что кто-то затаится неподалеку от поляны, – нет, все забились в самую чащу и укрылись в овражке. Нас встретили тревожными взглядами и криками:

– Что там?!

– Кого вы видели?!

– Да мы сами прятались, – заверил всех Димка. – Но, кажется, теперь все тихо. Можете выползть оттуда.

Кажется, никто особо не стремился покинуть относительно безопасное место. Сообразительный отличник Женя Захаров предложил устроить переключку, и уже через пару секунд тревожно зазвенели голоса:

- Алина где?
- Алинки нигде нету!
- Кто видел, куда она побежала?

Неприметная тихоня Алина Литт была в этом марафоне слабым звеном, как и я в недавнем времени. Всего час назад на школьном дворе я краем глаза заметил, как она натужно ковыляет в конце колонны, и задался вопросом, с какой части дистанции ее придется транспортировать назад. И вот теперь она пропала.

Ее исчезновение, кажется, прибавило мужества моим одноклассникам. Они разом полезли из оврага, готовые прочесать рощу и даже вернуться на поляну.

Я поймал взгляд Иолы, полный тревоги. Понятно, с девчонкой все в порядке, но вот вопрос: что она видела? Пока ребята разобрались по роще, мы вчетвером первыми рванули к поляне. И наши худшие предположения оправдались...

Алину мы нашли сидящей на самом краешке поляны – она съежилась за стволом древнего дуба, обняла руками колени. Дышала тяжело и часто, явно напуганная.

– Эй, ты как? – Димка плюхнулся рядом в снег, стараясь поймать ее взгляд.

– Кажется, ногу сломала, – свистящим шепотом отозвалась девочка. – Я побежала за всеми, а нога куда-то провалилась... между двумя стволами... и хрустнула вроде.

– Ребята, она здесь! – заорал за моей спиной Захаров, и я услышал, как ломаются сквозь деревья мои соученики.

– Ты что-то видела? – спешил выяснить всю глубину проблемы Димка.

– Ага, – слегка позеленела Алина. – Когда все убежали, из леса вышел парень. Такой... старше нас, темные волосы, смуглая кожа... В общем, он склонился над раненым, потом положил его на вытянутые руки, как манекен... – Она показала, как именно положил. – И побежал ужасно быстро, я никогда не видела, чтобы так бегали. А потом еще девушка была, с длинными волосами. Осмотрела поляну, меня не заметила и умчалась следом за парнем.

Конец этой истории слушал уже весь класс. Лица у всех ошарашенные, каждый счел своим долгом подойти к окровавленному сугробу и осмотреть его со всех сторон. Я уже представлял, какими версиями обрастет эта история к вечеру.

Наступить на поврежденную ногу Алина оказалась не в состоянии, к счастью, она была такой хрупкой и маленькой, что для ее транспортировки не требовались спасатели. Мы встали на лыжи и направились в сторону города, почти все парни по очереди тащили девочку. До больницы от границы леса рукой подать, и скоро пострадавшую уже увезли на рентген, а класс оккупировал все скамейки в коридоре травмпункта и привел в шоковое состояние уборщицу. Мы же вчетвером провели экстренное совещание в небольшом предбаннике.

– Заметили полицейскую машину у входа в главный корпус? – таинственным шепотом спросил Димка. – Наверняка приехали из-за избитого мужика.

Меня больше волновало другое.

– Алинка очень глазастая, наверняка даст точные описания наших ребят. Еще и фоторобот составит.

– Ерунда, – отмахнулся Васильев. – Ну, не ходят Борис с Миленой пару дней в свою любимую киношку, все равно им скоро уезжать. Должны были отчалить сразу после каникул, но, ясный перец, Соболь попросил их присмотреть за нами. А вся история выглядит так, будто девчонка фильмов про вампиров насмотрелась.

– Пойдемте в лагерь, обсудим со всеми, – предложила, а точнее, скомандовала Иоланта. – Все равно как-то уже не до уроков.

Глава третья

Воришка

Вот так мы смотались под шумок из травмпункта и скоро уже кружком сидели на жестких койках в наземном здании нашего лагеря. Борис рассказал, с какими приключениями они с Миленой несли несчастного мужика в больницу: дважды по пути у него была остановка сердца, делали искусственное дыхание. На наше сообщение, что одна девчонка видела их и сможет описать, парочка Соединившихся беспечно отмахнулась.

– Ну, отсидимся под землей, – мотнула длинными белыми прядями Милана. – Заодно попрощаемся толком с лагерем. Ведь сколько всего с ним связано! Наверное, слезами обольюсь, когда наступит время уезжать.

– А когда оно наступит? – спросил я.

– К концу января уж точно снимемся с места, – ответил солидным баском крупный и рассудительный Борис. – Поедем сперва на север к моей семье, поселимся неподалеку. Будем готовиться к поступлению, Миленка на медицинский, я в политех. А к лету переберемся в Москву, так что будем вас часто навещать.

Я едва сдержался, чтобы не ляпнуть: а зачем вообще атлантам высшее образование?

– Вы же вроде как после праздников хотели свалить отсюда, – вклинился в разговор Васильев, который до того торчал у входа: наверняка общался с Хонг, своей половинкой.

– Собирались, ага. Только Эрик Ильич попросил нас поторчать тут до их возвращения из Нижнего мира.

– Ну, ясно, за детворой вроде нас приглядывать!

Милена мелодично рассмеялась:

– Да очень надо. Большие уже. Просто в случае необходимости Соболю позовет нас на подмогу.

– Как это?

Мы дружно наострили уши. Лично я был совсем не прочь снова оказаться в удивительном мире у нас под ногами, самому найти Данко, пообщаться с Древними. И на драконов посмотреть, да.

– Очень просто. Великий Жрец позволил пройти через его территорию только Соболю и мадам Софи. Но над Черными Пещерами он власти никакой не имеет. А скорее всего, Данко не ушел далеко от Пещер, тем более что выйти из них... хм, проблематично. Однако новая личность может толкнуть его на непредвиденные действия, загнать к черту на кулички. Тогда нас Соболи позовут на помощь.

– Каким образом? – Вот и Бридж разволновалась, тоже, наверное, соскучилась по приключениям.

– Ну, найдут какой-нибудь лаз или воздуховод. На крайний случай воспользуются тем проходом через подвал дома, каким вы на поверхность выбрались.

– Но там же Печерский! – вздрогнул я. Этот тип до сих пор пугал меня до чертиков, хоть я и мог теперь его двумя пальцами в узел завязать. Но у него была наша Кирка...

Борис лишь плечами пожал:

– И что с того? Соболю он не опасен. Наоборот, мне кажется, Эрик Ильич не прочь с ним поговорить, надеется вернуть на путь истинный, наивный. А еще хочет повидать твою сестру, Алешка, убедиться, что с ней все в порядке. Он просил тебе пока не говорить, но раз уж к слову... Короче говоря, как только директор нам маякнет, так мы сразу присоединимся к экспедиции.

– Класс, и мы с вами! – завопил Димка. Вот уж кто точно грезил о Нижнем мире, выискивал в нашей лагерной библиотеке все новые книги о Древних. – Браслетики при нас, если что!

– Забудь, Димыч! – хихикнула Милена. – Вы там и так уже круто отметились, если что.

– Ну хоть Леху с Иолой возьмете? Они теперь такие же крутые, как вы, так что не задавайтесь.

Борис смерил взглядом нас с Иолой, сидевших на койках на максимально далеком расстоянии друг от друга, пожал плечами и заговорил о другом:

– А кстати, только мне происшествие в лесу кажется подозрительным?

Я вздрогнул, потому что по пути в лагерь сам размышлял примерно о том же.

– Какое происшествие? Когда мужика избили? – беспечно спросил Васильев. – Так бывает же. Хорошо еще, жив остался.

– Не просто избили, но и основательно порезали, – внесла уточнение Милена. – Глубоких ран я не видела, а поверхностных, чтобы постепенно истек кровью, штук десять насчитала. Ладно, народ, попрыгали вниз. Скоро Марк Вовчика с прогулки приведет, а мне еще обед готовить.

Все с готовностью потянулись к люку, едва услышав слово «обед», – есть после всех этих событий хотелось зверски. Только я, наоборот, попятился к выходу со словами:

– Меня родители дома ждут, побегу. Увидимся завтра в школе.

Словил, конечно, парочку удивленных взглядов. А вот Иола в мою сторону даже не взглянула, не попрощалась – первой сиганула в люк.

Настал всего лишь третий учебный день, а я уже шел в школу с тревожными предчувствиями. Я не знал, чем аукнется нам вчерашний день, какие версии возникнут у ребят и у полиции по поводу странного происшествия в лесу. Плохо, что я опять влип в подозрительную ситуацию, но хорошо, что не оказался ее главным героем. А ведь мои старые подвиги едва начали забываться. Это другим атлантам плевать, а у меня здесь семья.

В кабинете физики – первой по расписанию – я обнаружил свой класс почти в полном составе, только Димки пока не было. Все сгрудились вокруг первой парты в среднем ряду и что-то возбужденно обсуждали. Раньше я бы не стал задавать вопросов – побоялся бы, что проигнорируют. Но тут вклинился в толпу с вопросом:

– Что случилось, ребят?

Сидящий на своем законном месте Слава Спирин поднял на меня всегда чуточку воспаленные из-за близорукости глаза и ответил с видом глубоко озадаченного человека:

– Всех по очереди вызывают в кабинет директора, беседуют насчет вчерашнего.

– Там полиция, да?

Спросил и покосился на дверь класса: если полицейские в школе, то мне тут делать нечего.

– Полиция? С чего вдруг? – вяло удивился одноклассник.

– Ну, мужик тот в лесу...

– Так это ж не мы его избили, – отреагировал стоящий рядом Захаров и изогнул скобкой бровь, словно смайлик выставил.

– А что в лесу происходило, не в счет?

– А, ты об этом. Ну, так нас еще вчера предупредили, чтобы помалкивали. Все равно никто не поверит в летающие валуны и сломанные елки. Решит, что мы под видом кросса накурились в лесу или еще что похуже. Плюс Алинкина сломанная нога. А так нужно говорить, что проезжали взрослые лыжники, подобрали мужика и повезли в больницу. И мы не при делах.

Тут до меня дошло, что с такого ракурса все действительно выглядит нормально. И никто не станет докапываться. Вот только...

– А в кабинет директорский зачем тогда?

Славка заметно сник, побледнел, сгорбил длинную спину:

– Ну, там новый тренер докапывается, как мы себя вели в экстремальной ситуации и вообще...

Не знаю, может, интуиция мне что-то шепнула, но я решил пропустить еще один школьный день. Лучше в лагере побываю, почищу своего любимого коника Пегаса, с Марком потрындю...

– Эй, Лех, – окликнул меня Женя Захаров уже на полпути к двери класса.

Пришлось остановиться.

– Слушай, вчера на марафоне девчонка была, новенькая. Ну, такая. – Парень изобразил руками что-то фигурное, и я не стал уточнять. – Ты еще ушел с ней вместе. Она тоже в наш класс?

– Нет, в параллельный, – хмыкнул я.

– Жа-алко...

– Чего жалко-то?

Тот в ответ лишь опять поиграл бровями. А у меня по неясной причине онемели кончики пальцев, как всегда случалось от внезапного волнения. Я хотел продолжать свой путь, но прямо перед моим носом распахнулась дверь класса, в нее сунулась лохматая голова и прокричала:

– Леха Громов, в кабинет директора!

Ничего не оставалось, как скрипнуть зубами и подчиниться.

Никогда я тут прежде не бывал, в первом полугодии все больше в учительскую таскали. Квадратный кабинет со шкафами-ячейками вдоль всех стен выглядел какой-то клетушкой. Лишь сиял лакированной столешницей стол у единственного окна, а за ним на стуле с прямой спинкой коброй перед броском застыл этот странный тип в квадратных очках. Я еще удивился, почему он выбрал такой стул, а не директорское компьютерное кресло, в котором даже выпастись с комфортом можно было. Сидит, будто кол проглотил. И что у него с лицом, никак не пойму!

– Присядь! – Он указал пальцем на такой же стул по другую сторону стола.

Я сел и сложил руки на коленях. Имя типа я помнил, но все равно не знал, как к нему обращаться.

– Напоминаю, зови меня тренер Гай, – словно прочитал мои затруднения новый учитель. Я кивнул.

– А теперь я хотел бы услышать от тебя, что именно произошло в лесу, – своим странным покающим голосом произнес он. Вроде ровно сказал, а прозвучало как приказ. Даже нет – как удар хлыста.

Я заговорил раньше, чем успел обдумать ответ:

– Ну, мы с друзьями немного отстали от группы, потом услышали крики, подкатили, а там этот мужчина на снегу. «Скорую» уже вызвали, ну и...

Черт, а что дальше говорить-то? Рассказывать про странные звуки и летающие камни или врать про взрослых лыжников? Кажется, меня заклонило: я смотрел неподвижно в его лицо и видел в черноте линз свое собственное растерянное изображение.

– В лесу, как мне стало известно, происходили некие необъяснимые события, – напомнил тренер. – Что, по-твоему, это могло быть?

– Ну, я не знаю... почему необъяснимые... на смерч похоже. Деревья ломались, камни летели...

– А людей ты видел? Или, может быть, слышал? Других людей, не из вашего класса?

– Людей? Нет, не видел.

Я даже моргнул пару раз, стараясь быть убедительным. Кстати, я их и правда не видел тогда, Борьку с Миленкой.

– Ладно, хорошо. В таком случае я прошу тебя оценить поведение твоих одноклассников. Они действовали согласно ситуации или поддались панике? Прошу поторопиться с ответом.

Какие-то неудобные вопросы задавал этот тип, честное слово, и даже подумать времени не давал.

– Ну, мы убежали в лес и спрятались в овраге.

– Я в курсе. Бросили раненого, потеряли одну из девочек. Нашлись паникеры, которые ненормальными выкриками только увеличивали смятение и делали ситуацию критической.

Тренер замолчал и вперился в меня из-за темных стекол, и мне показалось, будто я разглядел за очками жутковатое полыхание его глаз.

– К счастью, никто не погиб. Иначе ваше поведение было бы расценено как преступная трусость, и всем вам, особенно мужскому составу класса, пришлось бы нести на себе это клеймо всю оставшуюся жизнь.

Я неловко поежился, хотя ко мне эти слова точно не имели отношения.

– Ладно, хорошо. В ближайший выходной и во все последующие я буду проводить в лесопарке занятия под названием «Игры Жизни». Вот список, можешь себя добавить.

А разве я изъявил такое желание? Но тренер уже сунул мне под нос список. Я просмотрел его по диагонали, увидел несколько фамилий одноклассников. Ого, и Димка тут. Девчонок в списке не оказалось.

– Типа квест какой-то? – спросил я самым унылым голосом, на какой был способен.

– Нет. Ты все узнаешь на месте. Это будет серьезная проверка вашей способности выживать в современном мире, занимать в нем не последние места, быть королем, а не пешкой.

Я уже готовился отказаться. Зачем мне какой-то дурацкий урок выживания, если я в Черные Пещеры не только вошел, но и из них вышел? Однако тренер снял очки – и я споткнулся на слове «нет».

Теперь-то мне стало понятно, что не так с его лицом. Оно было словно составлено из двух половин: правая сторона принадлежала мужчине лет примерно пятидесяти, вторая – ему же, только на полвека старше. Короче говоря, была старой, даже дряхлой, иссеченной морщинами, уголки глаз и губ сползли вниз, в них скапливалась влага. И если правый глаз был темный, живой, злой, то левый его собрат словно выцвел от времени, весь покрылся красными прожилками. И оба глаза смотрели на меня по-змеиному, не мигая. От растерянности я сказал:

– Да, сейчас впишусь.

И был отпущен с миром. В районе буфета мне встретился Васильев с кислым выражением на лице, спросил:

– От тренера?

– Ага.

– И наверняка согласился участвовать в каком-то криптовом квесте?

Я кивнул и спросил:

– И ты тоже?

– Пришлось, – хмыкнул Димка. – Ты морду его без очков видел? Он их как снял, я так и выпал из реальности. Да ладно, список этот ничего не значит, забудь. Ты на урок?

Я прислушался к атмосфере школы: гулкая тишина. А я даже не услышал звонка.

– Нет, пойду в лагерь, наверное. И вообще буду учиться, только когда Соболи вернутся. А так настроя нет, плюс всякая ерунда ежедневно случается.

Васильев помолчал, наверное, прислушался к собственным ощущениям, и сказал:

– Полностью солидарен. Только заберу рюкзак из класса. Ты меня в раздевалке подожди немного, если через пять минут не приду, значит, не удалось свинтить по-тихому.

Я кивнул и отправился на первый этаж. Поискал взглядом техничку тетю Раю – для нее была заготовлена версия об острой зубной боли, не увидел и заскочил в пустую раздевалку.

Хотя нет, она не пустовала. От двери я услышал возню и пыхтение в дальнем от входа углу и сразу подумал о своей куртке, вчера только купленной матерью на смену прежней. Если это ее там сейчас изничтожают... Ну, я за последствия тогда не отвечаю. И метнулся за вешалки.

А там происходило вот что. Несколько парней, на год или два младше меня, перекидывали друг другу, словно мячик, тощего пятиклашку или около того. Мальчишка, обхватив себя руками, не сопротивлялся и не издавал ни звука, даже когда в качестве третьей стороны использовалась стена раздевалки. Отлетал от нее мячиком и лишь пытался устоять на ногах. Голову он до предела вжимал в плечи.

Я немного понаблюдал за ними, потом спросил:

– Парни, это нормально, по-вашему? Что, вдвоем справились с мелким?

Типы даже не посмотрели в мою сторону, продолжали веселиться. Пальцы сами сжались в кулак, в мозгах дробно застучали молоточки. Я снова не мог одолеть чудовищный приступ злости. И боялся до одури, что сейчас сотворю с этими придурками что-нибудь ужасное.

Так, срочно вспоминаем урок Соболя, который он дал мне на следующий день после возвращения из Нижнего мира. На манекене, полностью имитирующем живое человеческое тело – даже подобие крови выступало, – он показал мне, с какой силой я, как Соединившийся, могу теперь прикасаться к людям. Мы репетировали это много раз, и вот пригодилось. Я с предельной осторожностью поймал одного за плечо, подтянул к другому и чуточку их столкнул. В результате парни разлетелись в разные стороны, отприкоштили от стен и, дружно спо-

ткнувшись об основание железной вешалки, скрылись за грудой одежды. А вешалка накрыла их сверху.

– Эй, – сказал я пятиклашке, который был занят ощупыванием пострадавших мест. – Ты что, глухонемой? Мог бы на помощь позвать.

– Ага, пусть скажет, почему не позвал! – немедленно раздался придушенный голос из-под вешалки.

– Все равно на улице мы с тобой продолжим, даже не вздумай убежать, – поддержал другой.

Я разглядывал мальчишку: какой-то он был... нелепый, что ли. Одежда вроде нормальная, но школьный пиджак сползает с одного плеча, штаны измяты. Лицо узкое, с мелкими чертами, близко поставленные бесцветные глаза глядят испуганно и сердито. Голова в форме кабачка. Волосы очень белые, словно у альбиноса, зато уши-лопухи розовые и почти прозрачные. Тонкие губы сжаты в нитку.

Я понял, что ничего от него не добьюсь, потому просто нагнулся и вытащил на свет копошащихся в куче вещей обидчиков.

– Выкладывайте, в чем проблема. Что он вам сделал?

Один покосился на меня с боязливой наглостью, выдвинул прыщавый подбородок:

– Про воришку слышал, который карманы чистит в раздевалке?

Кто же про него не слышал? Едва ли не с первого дня, как я начал учиться в этой школе, пару раз в неделю поступали известия о том, что кто-то устроил незаконную ревизию оставленной в раздевалке одежды. Тетя Рая даже пост себе устроила в укромном углу раздевалки и частенько сживала там в засаде. И объявление в целый лист ватмана прищепандорила на дверь: не оставляйте в карманах ничего ценного.

И вот теперь виновник всего этого безобразия стоял передо мной, склонив белесую голову так низко, что я видел лишь его худую потную шею с россыпью мелких родинок.

– С поличным схватили, прямо за руку! – уже забыв о позорном падении, ликовал рядом со мной один из парней. – И предупредили: либо тащим в учительскую, либо делаем с ним что хотим. Угадай, что гаденыш выбрал? А завтра всем ребятам, кого обокрали, будем поочередно сообщать, чтобы они с него тоже свое получили.

Я тяжело вздохнул и сказал:

– В общем, так. Пусть пострадавшие обращаются лично ко мне, я отдам деньги за этого...

– И телефоны?

Я аж поперхнулся. Не, ну кто меня за язык тянул? До этого думал, что речь идет о десятках, ну, может, сотках, случайно забытых в карманах, ведь все были многократно предупреждены. Захотелось сказать им: ладно, сами разбирайтесь, и отчалить. Но мальчишка так покорно ожидал решения своей участи...

– Ладно, разберемся, – вздохнул я. – Свободны.

Натянул куртку и вышел на улицу. Малолетний воришка из предосторожности не отставал от меня ни на шаг, но голос не подавал и глаз не отрывал от земли. Уже во дворе, дожидаясь Димку, я спросил его:

– И как зовут тебя, чудо? Из какого класса?

Тот ответил, не подымая глаз:

– Женька. Женька Карамыш. Пятый бэ.

– Так, и зачем ты воровал, балда? Тебя что, дома не кормят?

Конечно, мне было бы легче узнать, что вступился я за какого-то несчастного, обездоленного пацана из неблагополучной семьи, все-таки доброе дело сделал. Но выглядел мальчишка вполне нормально, а что костлявый – наверное, сложение такое, таких сколько ни корми. На мой вопрос он шмыгнул носом и шепнул себе под нос:

– Кормят.

– Телефон у тебя есть? Давай, покажи.

Этот гаденыш покорно продемонстрировал мне недешевый смартфон, чем окончательно вывел из себя. Чтобы ненароком самому не врезать недоноску, я рывкнул:

– Брысь домой! И если еще раз услышу про кражи...

Но его уже и след простыл.

А Васильев так и не появился, и я один вернулся в лагерь. Наверху встретил Марка Шапиро: он единственный наотрез отказался ходить в школу. Нам достаточно было глянуть друг на друга, чтобы понять самое важное на данный момент.

– Так и не вернулись, значит, – пробормотал я. – И где их только носит?

– Наши все волнуются, – кивком поддержал меня Марк. – И сами не возвращаются, и ребят на подмогу не зовут. А вчера мастера не явились.

– Какие еще мастера? – не въехал я.

– Ну, за нашим небом присматривали Данко и еще два подручных флэмма, – растолковал мне парень. – Вчера был день профилактического осмотра, мы все ждали тех двоих – надеялись хоть что-то выведать. Но они не пришли.

– Ясно. А скажи, мы можем сами в случае необходимости спуститься в Нижний мир?

Марк решительно помотал крупной кудрявой головой:

– Нет! Лифт сконструирован таким образом, что запустить его можно только снизу, мы не можем сами им воспользоваться. Конечно, без проблем спрыгнуть в шахту и раздолбать стену, но это уже получится вроде как взлом. Мы подумывали об этом... и решили еще немного подождать.

Я вздохнул:

– Ясно. Ну, хорошо, ждем еще пару дней.

Глава четвертая

Новый атлант

Однако прошла целая неделя, а от Соболей не поступило известий. Мы утешали себя мыслью, что ничего плохого не могло случиться: кто в Нижнем мире сильнее и быстрее их? И все равно места себе не находили от тревоги и заброшенности.

Я даже в школу ходил теперь каждый день, просто чтобы отвлечься от беспокойных мыслей. Правда, благодаря моей дурацкой выходке мне теперь там не было проходу: каждый день поступали все новые претензии насчет украденных денег, владельцы, как минимум, пяти айфонов жаждали получить возмещение. Конечно, я требовал, чтобы такие кражи были подтверждены хотя бы словами тети Раи. Кое-что техника подтвердила, но и на меня теперь смотрела взглядом недобрым и подозрительным.

Во вторник на большой перемене мы впятером сидели в школьном буфете, прикидывая варианты: куда в Черных Пещерах мог забрести Данко. Ванька был злой и пришибленный, как все последние дни, оживился, лишь когда начал нам громогласно доказывать, что Данко наверняка сейчас в какой-нибудь пещере охотится на клээков, – на него сильное впечатление произвел наш рассказ об этих жутких тварях. У Димки версия была другая: он считал, что в Данко могла вселиться личность бывшего охотника на людей, о которых вскользь упоминал Печер-

ский. Тогда наш флэмм уже выбрался из Черных Пещер и, возможно, блуждает по поверхности, ведь старые ходы и воздуховоды Древние регулярно заделывают. И нам надо не дурью на уроках маяться, а устроить экспедицию и хорошенько поискать его в лесу. В общем, эти двое упоенно орали, пока нас со звонком не выпроводила вон буфетчица. А уже на лестнице Иола вдруг ткнула меня кулаком в плечо:

– Алешка, есть разговор.

– О чем это? – удивился я – мы ведь почти не общались.

– Завтра прилетает моя мама. Соболев говорил, что встретит ее на машине, я ей уже наобещала... А Соболя нет. Ты мне поможешь?

– Могу спросить у отца. – Я даже растерялся чуточку. – А чего она едет-то?

Иола вытаращилась на меня, как на идиота:

– Странный вопрос. Хочет посмотреть, где я живу, в какую школу хожу. Эрик Ильич объяснил ей, что пока я не могу вернуться домой...

– Ты что, покажешь ей наш лагерь?!

– Конечно. Но только верхнюю часть, само собой. Я там уже прибралась, ребята обещали подыграть. А жить она будет в городской гостинице.

– Ясно, – кивнул я. – Слушай, давай тогда так: после школы зайдем ко мне, познакомлю тебя с родителями. У мамы выходной, и отец скоро вернется. А то как я буду просить, если они тебя не видели даже?

И снова эта усмешка на лице Иолы, наверное означающая: о, неужели догадался о таком пустячке, как знакомство с родителями! Но комментировать не стала, сдержанно кивнула, словно это она мне оказывает одолжение. И мы разбежались по классам, я даже успел еще словить на себе свирепый Ванькин взгляд.

После уроков я дожидался Иоланту у раздевалки – классная «ашек» вечно их задерживала. Стоял и маялся: предупредить ли маму, что приду с девчонкой, или завалиться вдвоем и сделать вид, будто все в порядке вещей? Я почти уже созрел позвонить и даже телефон достал, но тут Иоланта, непривычно веселая, с улыбкой до ушей, сбежала ко мне по лестнице.

– Ну, еще не перетрусил знакомить меня с родителями? Вид у тебя какой-то бледный, – проговорила, быстро-быстро переводя дыхание. И я понял: она тоже волнуется, просто скрывает это немного лучше меня.

Отвечать на вопрос не стал, да и Иола уже исчезла в раздевалке.

Через четверть часа я звонил в родную дверь. Мать распахнула ее, держа на весу мокрые руки, в переднике.

– Алеша, а где твой ключ... – и осеклась, заметив Иолу.

– Мам, это Иола, она учится в параллельном классе, – выдал я информацию со скоростью пулемета. – Мы будем к тестам по истории готовиться, на завтра.

– Здравствуйте, – звонким голосом произнесла Иола, выступая на первый план.

И моя мама немедленно расцвела в улыбке, изобразила руками приглашающий жест:

– Здравствуй, Иола, проходи, раздевайся. Алеша, найди тапочки, живо. Ты пообедаешь с нами?

– С удовольствием, я ужасно голодная, – прозвучал над моей головой – я шарил под тумбочкой – голос Иоланты.

– Все уже готово, – соловьем разливалась мать. – Алешин отец вот-вот вернется. Потерпите или подать чай?

– Что вы, не стоит перебивать аппетит. Такие вкусные запахи!

Мама, сияя, унеслась на кухню. Я отыскал тапки, сердито швырнул их под ноги Иолы. Настроение почему-то испортилось вконец.

Проводил гостью в свою комнату, мысленно приказав себе смириться и с мужеством пережить весь этот цирк. Иоланта, переступив порог, порозовела и быстро-быстро завертела головой.

– Что? – заволновался я, озираясь еще поспешней.

Вроде кровать застелена, трусы с майками нигде на виду не валяются.

– Ничего. Тебе даже не понять этого. Я столько раз видела эту комнату, мысленно ходила по ней...

– А, дошло.

– Хотя очень жаль, что я не могу побывать в твоей прежней комнате, в Питере, – не унималась девчонка. – Там все было такое родное, с детства знакомое. Сколько раз я мысленно играла с твоими игрушками! Мне покупали каких-то дурацких кукол, которых я и в руки не брала, а хотелось-то совсем другого. Помнишь, тебе на восемь лет подарили пожарную машину с водой, с сиреной, с набором пожарных?

– Ну, было что-то...

– Ой, как же я мечтала о ней! Хоть раз коснуться рукой лакированного бока, испробовать все функции! Я даже подумывала умолять родителей купить такую же, но так и не решилась. Для нашей семьи это была слишком дорогая вещь. А ты ее через месяц превратил в хлам.

Я поскорее отвернулся: ощутил, что багровою. К счастью, звонок в дверь прервал дурацкие воспоминания Иолы.

– Отец пришел, – пробормотал я.

Обострившимся после соединения слухом я отчетливо слышал, как в прихожей мать отпирает дверь и тут же приглушенно вываливает отцу ошеломительную новость:

– Алеша привел девочку, я пригласила ее пообедать с нами!

– Что за девочку? Соседскую Тасю, что ли?

– Нет, эта девочка классом повыше, – усмехнулась мать.

– Старшеклассница, что ли? – не въехал отец.

– Ой, Илья, да я другое имею в виду. Сам все поймешь.

А так – из параллельного вроде.

От досады я стиснул кулаки и едва удержался от соблазна разгромить что-нибудь в комнате. Самое противное, что ведь и Иола это слышала, но только усмехнулась краешком губ. Помахала на меня книгой:

– Сторишь сейчас!

Тем временем мать накрыла стол в гостиной, сервировала его по всем правилам. С моим отцом Иола познакомилась так же непринужденно, как прежде с матерью, даже руку ему протянула. Я диву давался, как ей все это удастся, – сам до сих пор не умел толком знакомиться с людьми, терялся и паниковал.

– Значит, вы учитесь в параллельных? – начал разговор отец, пока мама раскладывала жаркое по тарелкам. – И объединил вас тест по истории?

– Ага, – широко улыбнулась Иола. – Мы случайно разговорились в раздевалке и выяснили, что учитель дал одни и те же вопросы для подготовки. И решили погонять по ним друг друга.

– А вы, Иола, с самого первого класса учитесь в этой школе?

Ничего себе, отец с ней на «вы»!

– Нет, что вы, Илья Сергеевич! Я только с этого полугодия начала в нее ходить!

– Как так? – изумился отец. – Перешли в середине учебного года?

– Так уж получилось.

– Понимаю. Катастрофа, верно?

– Ну, немножко. Я вначале страшно переживала. Но школа отличная, и ребята очень хорошие. Так что теперь уже все в порядке.

– Вы молодчина, – одобрил отец. – Что значит позитивный взгляд на мир. А вот Алексею нелегко дался этот переход. Но теперь уже все наладилось, надеюсь.

Я закатил глаза. Из прихожей снова раздалась негромкая трель.

– Ой, простите, это мой телефон! – слегка порозовела и слетела со стула Иола. – Мне придется ответить. Вдруг что-то важное?

– Конечно! – хором отозвались мои родители.

И девочка испарилась из гостиной. Я слышал, как она ответила кому-то:

– Прости, совсем забыла, – в голосе при этом – ни капли раскаяния. – Ну раз все равно уже опоздала, перенесем еще на полчаса. Да, точно буду! Ну сказала же.

Иола вернулась и закончила обед, все так же мило общаясь с моими родителями. А я ломал голову, куда она собралась и кто звонил. Если бы что-то связанное с нашим лагерем – мне бы тоже позвонили, разве нет? Значит, у нее завелись какие-то левые знакомые. Не знаю почему, но я последние остатки аппетита растерял при мысли об этом.

Вскоре Иоланта куда-то унеслась, а я сидел в своей комнате, как оплеванный. Отец заглянул ко мне уже одетым:

– Алешка, я снова на работу. Тебя никуда не нужно подбросить?

Я только головой угрюмо дернул.

– Что-то убежала Иоланта, до тестов, похоже, так и не дошло, – констатировал отец, изображая сочувствие.

– У нее дело срочное, – пробухтел я. – Кстати, папа, завтра прилетает мама Иолы, она просила... В общем, не мог бы ты на машине ее встретить?

Отец после этого вопроса счел нужным пройти дальше двери и оседлать стул.

– Слушай, сын, а эта девочка не потому к тебе, так сказать... интерес проявила, что у твоего папки машина есть?

– Нет, при чем тут это?! – Я вспыхнул, и отец поспешно перевел разговор:

– Ладно, проехали. Встречу, конечно, все равно с утра буду в Питере. Не на рассвете она, надеюсь, прилетает?

– Нет, в полдень.

– Принято. Из отпуска возвращается?

– Нет, просто прилетает посмотреть, как Иола тут живет, – брякнул я, не подумав.

Отец изумленно взметнул брови:

– Не понял. Мать проживает отдельно от семьи?

– Да нет, это Иола пока живет отдельно. В том же лагере, где и я. То есть я сейчас дома живу, а она – все время там.

Как-то так сложилось, что родители не задавали мне лишних вопросов о лагере. Наверное, боялись узнать правду до конца. А по умолчанию считалось, что я временно пребываю в лесном санатории для нервных подростков и успешно прохожу курс лечения.

– Понятно. Вот что, значит, вас сдружило, а вовсе не тесты. Хорошо, сын, напиши мне номер рейса, и завтра я буду на месте. Или ты тоже собираешься?

– Да, – кивнул я. – Я в аэропорт сам доеду, а там встретимся.

Отец ушел, а я все сидел в своей комнате в полном раздрае. Заняться было нечем, не уроки же учить, в самом деле. Очень скоро я снова оказался на улице и не сразу осознал, что хочу найти Иолу, выяснить, куда она подевалась. Сгонял до лагеря и застал наверху Бриджит: она над угловой кроватью старательно клеила посты с какой-то американской группой. Должно быть, собиралась подыграть Иоле, показать, что тоже живет в этом домишке, из самой Америки прикатила лечиться к русскому чудо-психологу!

– Иола внизу? – спросил я коротко.

– Нет, она здесь не появлялась. Я только знаю, что она к тебе собиралась после уроков.

Никаких вопросов тактичная Бридж не задала и взглядами меня не прожигала: дала информацию и снова занялась оклейкой стен. А я помчался обратно в город.

По пути родилась мыслишка забежать в школу: там сегодня собирался фотографический кружок, на который, я знал, Иола записалась в свой первый же школьный день. Конечно, я не собирался заваливаться в класс, только шмыгнул в раздевалку и поискал глазами на вешалке приметное Иолино пальто: сливового цвета с широкими присобранными рукавами. На вешалке группкой висело с десятков пальто и курток, наверное, как раз весь кружок, но Иолиного среди них я не обнаружил. И уже шел обратно к двери, когда уловил что-то в глубине раздевалки, шорох или просто взволнованное дыхание. Кто-то предпочел затаиться при моем появлении. Я присел на корточки и увидел две тощие ноги, подрагивающие на перекладине. И кажется, я уже знал, кто это...

Наша школа была выстроена в форме буквы «Г», справа от входа под окнами основного корпуса протянулся палисадник с чахлыми липками. Я вышел, встал за один из стволов и принялся наблюдать за входом.

Скоро из-за входной двери, как я и ожидал, выглянул заполошно преступный пятиклашка Женька Карамыш. Взъерошенный и бледный, он поводил туда-сюда своим острым носом, немного приободрился и затрусил прочь со двора. Я нагнал его уже на улице, когда он влился в дневную толпу на главном проспекте города, пошел следом, таясь за чужими спинами.

Пацан больше не оглядывался, брел, втянув голову в плечи и глубоко засунув руки в карманы, жалкий и какой-то пришибленный. Но лично я сочувствия больше не испытывал – из-за потраченных нервов и денег. Я решил, что сегодня же поговорю с его родителями, раскрою им глаза на нечистые делишки их дитяти. Пусть принимают меры, если не хотят, чтобы их сына однажды линчевали.

Несколько минут спустя мальчишка вдруг свернул в аптеку. Я приблизился, глянул сквозь витрину: он стоял перед прилавком, еще больше горбился и тянул к фармацевту руку с зажатой купюрой. Продавец, седой, в возрасте, почему-то денег не брал и вид имел самый суровый. Я нырнул в аптеку и затаился за самым дальним стендом с товаром.

– Тетенька всегда продает, ничего не спрашивает, – ныл и шмыгал носом Женька.

– Вот у тетеньки и покупай, малец. Я лекарство не продам, это тебе не витамины какие-нибудь. – Продавец был непреклонен.

– Без рецепта продается же...

– Взрослым – да, тебе – нет.

– Бабушка послала, ругать будет, если не принесу. – К всхлипам добавилось тоненькое подвывание.

– Так, парень, кончай истерику, – немного смягчился фармацевт. – Ты хоть записку принеси мне от своей бабушки, тогда продам.

– Потеря-ял! – проскулил мальчишка. – Бабушка теперь убьет!

В этот момент в аптеку зашло целое семейство, и все они первым делом уставились на ревушего пацана у прилавка. Продавец с каменным лицом швырнул на прилавок упаковку.

– Ладно, бери, но чтоб в последний раз...

Карамыш, громко шмыгая, уже несея к выходу, прижимая заветную коробочку к груди. Я позволил ему отойти от аптеки на десяток шагов, потом догнал, вырвал добычу из рук:

– Это что за хрень такая? Вот ты на что ворованные деньги тратишь?

Мальчик вскинул на меня все еще мокрое, а теперь еще и зеленеющее от испуга лицо. Губы его задвигались, но изо рта не вылетело ни звука. Я тем временем вертел коробку в руках, но название таблеток ни о чем мне не говорило. Вроде наркоманам такое без надобности.

– У тебя в самом деле бабушка болеет, что ли?

Но пятиклашка был слишком измучен, чтобы ухватиться за такую возможность. Он пролепетал:

– Нет. Это мое. Это мне надо.

– Зачем?

– Потому что без них я вижу странные сны...

– Так, успокойся. – Я слегка сжал его плечо. – Расскажи, что тебе снится.

– Какая-то девочка, – пролепетал он, краснея и бледнея попеременно. – Она странная. Она говорит со мной. Она...

Меня аж затрясло. Я уставился на мальчишку во все глаза: этот жалкий трясущийся воришка – атлант?

– Ладно, понял. А зачем ты пьешь какую-то дорожную дрянь? Что это вообще?

Я снова потряс упаковкой перед его носом.

– Но... но... это от шизофрении, – выдавил Женька. – Только его можно купить без рецепта, я в интернете смотрел.

Тут до меня дошло: бедолага сам себе поставил диагноз и спасался по мере сил. А деньги воровал, потому что лекарство очень недешевое. Жалость перебила чувство раздражения – не помоги мне в свое время отец, и я вполне мог докатиться до чего-то подобного. Я снова взял пацана за плечо и слегка встряхнул, вынуждая поднять голову:

– Слушай меня внимательно, Женька. У тебя нет никакой шизофрении, ты совершенно здоров. И нет ничего страшного в том, что ты видишь эту девочку по ночам. А если не хочешь ее видеть, раздобудь самое простое лекарство, ну, хоть средство от зубной боли у родителей попроси. Но эту гадость больше не пей, иначе в самом деле психом станешь.

И отправил пачку в мусорку за десяток шагов. Карамыш очумело проследил за ее полетом, потом перевел на меня взгляд, в котором появился намек на уважение. И спросил:

– Ты разве знаешь, что со мной такое?

– Да нормально все с тобой, поверь. Через пару дней вернется в город один человек, я тебя с ним познакомлю, и он все-все объяснит. Тебе понравится, поверь. Будешь в восторге.

От моих обещаний мальчишка расцвел на глазах и теперь смотрел на меня, как взятый с улицы щенок на нового хозяина, разве что хвостом тротуар не мел. Я решил не забывать о строгости:

– Но воровать не смей! Понял? Больше прикрывать тебя не стану, будешь, если что, разбираться с директором и родителями.

Он закивал так, что жиденькие волосенки упали на узкий лоб:

– Не буду, клянусь! А когда вернется этот человек?

– Скоро, – заверил я и с трудом удержал вздох беспокойства. – Пока запиши мой телефон и звони, если будут проблемы. Давай беги к своей бабушке или кто там у тебя.

Карамыш мигом испарился.

Первым моим желанием было достать телефон и обсудить ситуацию с кем-то из наших. А ведь под этим предлогом можно и Иоле звякнуть, не каждый день встречаешь нового атланта. Но, постояв минуту с телефоном в руках и поразмыслив, я запихнул его обратно в карман. Нет, не стоит сейчас напоминать ребятам тот факт, что Соболи по-прежнему неизвестно где. Вот вернутся они из Нижнего мира, тогда и доставлю в лагерь Женьку в порядке сюрприза, прямо к праздничному обеду по случаю их, надеюсь, удачного возвращения.

А на следующий день я решил забить на школу: отлично выспался и сразу после позднего завтрака поехал в аэропорт. По пути уже сообразил, что нужно было предложить Иоле добираться вдвоем. Но когда она поздно вечером все же соизволила мне позвонить, я был слишком сонным и злым, чтобы разговаривать нормально. Только вкратце сообщил, что отец дал согласие, и уточнил место встречи.

На трассе случилась авария, и транспорт полз еле-еле. Я таращился в окно и продумывал вариант: выйти из автобуса и рвануть под прикрытием лесополосы – доберусь за пять минут. Но

нет, нельзя лихачить, кто-то обязательно заметит, поднимется шум... А тут мы уже и приехали, правда, впритык. Самолет из Волгограда прилетал в полдень, а без трех минут я входил в зал ожидания.

Они уже были там: мой отец и Иола. Сидели друг против друга и о чем-то оживленно болтали. Когда я подошел, отец коротко мне кивнул, усмехнулся:

– Узнаю родного сына. Как всегда, в последний момент.

– Пробки потому что, – пробормотал я.

А Иола лишь плечами передернула:

– Я вообще тебя не ждала. Мы бы и сами управились.

– Ну, извини, что приехал! – начал закипать я.

Объявление о посадке самолета вовремя пресекло ссору.

Я гадал, узнаю ли мать Иолы, все же видел ее обычно в полутьме ночной комнаты. И действительно, я и не заметил, как маленькая женщина с тяжелой копной смолых волос очутилась рядом, с какой-то робостью обняла свою дочь, потом развернулась к нам. Иола представила ей моего отца, потом меня – как приятеля по школе. Мать – ее звали Татьяна Ждановна, – оторвавшись от дочери, вскинула голову и протянула отцу руку, бормоча слова приветствия. Мне показалось, что она в какой-то момент словно растерялась или чрезмерно смутилась, но быстро овладела собой. Поздоровалась с моим отцом, потом со мной. Мы немного побегали в поисках чемоданов (один такой огромный, что Иолова мать сама могла там без проблем уместиться) и загрузились в машину.

Пробка к тому времени уже рассосалась. Мать Иолы отец посадил впереди, мы с Иолой устроились на заднем сиденье, отодвинувшись друг от друга на максимально возможное расстояние. Иола сразу прилипла к окну, а я тем временем искоса рассматривал своего отца. Интересно все же, почему это Татьяна Ждановна так на него странно посмотрела?

Честно сказать, я никогда не мог оценить отца со стороны, не смог бы ответить, симпатичный он или нет. Ну, смуглое овальное лицо, ровный нос, очень темные глаза. Я на него совсем не похож. Под левым глазом у отца родимое пятно, которое своей формой всегда напоминало мне бумеранг. Что в отце мне всегда нравилось – это его улыбка, такая веселая, беспешашная и очень молодая. Всю дорогу отец развлекал гостью рассказами о славном прошлом нашего городка. И улыбался, хотя я точно знал – с тех пор, как Кира сбежала из дома, папку ничто особо не радует.

Через двадцать минут мы уже подкатили к гостинице, носящей то же название, что и наш город. Отец выскочил, чтобы помочь с вещами. Иола, само собой, осталась с матерью. Через десять минут мы уже катили в сторону дома, и я размышлял о том, как половчее спросить отца насчет женщины. Ну, может, они уже встречались когда-то, ведь прежде чем у отца появилась своя фирма, он много колесил по стране.

– Пап, – начал я, – как тебе показалось, эта Татьяна Ждановна похожа на Иолу? Я вот особого сходства не заметил.

Отец скосил на меня улыбающиеся глаза:

– Алексей, ты опять все перепутал: эта Иола может быть похожа или не похожа на свою мать.

– Да знаю я! – Мне стало досадно, захотелось прекратить разговор.

– Определенное сходство есть, – как ни в чем не бывало продолжал отец. – Скулы, масть, глаза. В общем, родство прослеживается.

– А как она тебе... вообще? – спросил я. – Ну, мать... показалась красивой? Иолка вот красивая, все говорят.

Отец издал странный горловой звук, глянул на меня совсем уж озадаченно:

– Алексей, что за странные вопросы ты сегодня задаешь? Хочу напомнить: для меня существует только одна красивая женщина на земле – наша мама. А Татьяна Ждановна – ну, она приятная. Только слишком застенчивая, я и голоса ее толком не услышал. Вот и все, что могу сказать.

И больше я от отца ничего не добился. В молчании мы доехали до нашего дома.

Вечером я размышлял о том, что стал теперь еще более одиноким, чем прежде, когда не знал, кто я такой и сам себя считал распоследним психом. Но меня поддерживали Ванька и Тася, даже Иола, когда бывала в добром расположении духа. Теперь Тасю я не вижу совсем, Иван смотрит на меня волком, Иола... лучше не думать. Да и Димка с Бриджит не лучше, заняты каждый своими делами. А ведь казалось, после того, что мы пережили в Черных Пещерах...

Тут я так огорчился, что весь остаток дня тупо смотрел дурацкий сериал и завалился спать в восемь вечера. Хоть сон нормальный посмотрю, как все люди: после соединения начали сниться.

Глава пятая

Захват

Удивительно: уснул в начале девятого, а утром никакие потуги будильника не смогли разбудить меня в нужный срок, родители же еще на рассвете вдвоем уехали в Питер. Так что встал я только в районе десяти и еще с четверть часа, сидя с закрытыми глазами на краю кровати, рассуждал: идти сегодня в школу или нет. А если не идти – то чем заняться? Ничего интересного на ум не пришло, так что скоро я уже шагал по раскисшему (очередная оттепель) снегу в сторону школы.

В школьном дворе первым делом увидел Ваньку и Иолу. Они стояли в паре шагов от входных дверей, у палисадника, Иван пинал нещадно ногой и без того расшатанную оградку, Иоланта что-то ему втолковывала. Была она в накинутом на плечи пальто и без школьной сумки – похоже, просто выскочила за ним следом, Иван-то нормально одет. Интересно...

Я не счел нужным таиться и неторопливо пошел на сближение со школьным порогом. Ванька первым меня заметил, вспыхнул, оскалился – и рванул в сторону. Воспользовался другим выходом со двора, лишь бы не пересекаться со мной. Так, похоже, ситуация нуждалась в срочном прояснении.

– Иван! – крикнул я ему в спину.

Никакой реакции. Через секунду он уже исчез за углом ближайшего здания. Я перевел недоуменный взгляд на Иолу, подошел к ней, загребая носками снег.

– Ну и что с этим типом не так? Я, может, его семью вырезал и не заметил?

Иоланта красноречиво вздохнула, подняла на меня глаза – печальные, едва ли не заплаканные, пронзительно-зеленые на дневном свету.

– Не обращай внимания, это вообще даже не с тобой связано. Просто Иван не слишком хорошо владеет эмоциями и злится на весь мир.

– А на тебя – нет.

Девочка промолчала.

– Ладно, так что там у Ваньки такое случилось? – Я вдруг заволновался. – С Тасей... с ней все хорошо? Я ее не вижу совсем...

– Все в порядке, – ровным голосом отозвалась Иола. – Просто она временно живет в другом месте, у родственников. А больше ничего не могу тебе сказать, извини. Я слово дала.

– Да ладно, мне своих проблем хватает. – Я постарался скрыть досаду. – Ну что, вернешься в школу или побежишь догонять? Кажется, я помешал нашему великану вволю порываться у тебя на плече?

Иола молча развернулась к школе. Как всегда, я тут же пожалел о своих словах:

– Ладно-ладно, не мое это дело. А как твоя мама, побывала в лагере?

– Побывала, – прозвучал холодный ответ: Иола явно не собиралась меня так сразу прощщать.

– Понравилось ей?

– Да, ребята постарались ее всячески развлечь.

И снова скрытый упрек в голосе – мне ведь тоже стоило там вчера появиться. Но извиняться не стану, мало ли какие у меня были дела.

– Только она огорчилась, что не застала на месте Эрика Ильича. Нам пришлось сказать, что он должен был уехать по неотложному делу. Она ведь и ехала сюда с главным прицелом на встречу с ним.

– Зачем это?

– Хочет узнать, когда я смогу вернуться в родной город, жить с семьей и вести нормальную жизнь, – скороговоркой сообщила девочка.

Я даже на миг в школьный паркет врос от ее слов:

– А ты разве собираешься вернуться?

Иола невесело усмехнулась в ответ:

– Нет, конечно, что мне там делать? Моя жизнь – здесь, со всеми вами. Но вот сама сказать это маме я не могу. Надеюсь, что Эрик Ильич разрулит ситуацию, а его все нет и нет. И мама вчера была какая-то странная, тихая...

– Слушай, а тебе не показалось...

– Что? – крутанулась на пятках Иола.

Я несколько секунд прикидывал в голове варианты ответов. Нет, ничего не выйдет. В любом случае прозвучит как: а тебе не показалось, будто твоя мама запала на моего отца? Такого мне Иола и до смерти не простит.

– Ничего, – сказал я. – Наверное, она просто устала с дороги. Слушай, а у вас какой сейчас урок?

Мы уже стояли на площадке второго этажа. Пока шли, началась перемена.

– Литература, – слегка остыла Иола. – Сочинение писать будем. А у вас?

– Алгебра. Слушай, хочешь, после уроков поведем твою маму по городу и по парку? Я как-то был на экскурсии, так что смогу кое-что рассказать...

– Я тоже была на той экскурсии, между прочим, – ухмыльнулась девочка. – Но спасибо, маме будет приятно. Встречаемся у школы. У вас ведь тоже шесть уроков?

– Ага... кажется. Если что, просто слиняю.

– Ты все такой же раздолбай, Алеша, – смягчившимся голосом подметила Иола. – День сегодня какой-то странный, да? Тихий...

– Тихий? – Я удивился: из-за воплей огибающей нас толпы себя-то едва слышал.

Но Иоланта уже уходила прочь. Зазвенел звонок, и я сам припустил в сторону своего класса. Наша классная опозданий не любит.

Прошло уже минуты три, а урок и не думал начинаться. Большая часть класса ходила на головах, а мы с Димкой за партой снова говорили о Данко и о Соболе. Хотя никакого смысла в этих разговорах не было.

– Странно. – Мой друг скосил глаза на свои часы. – Педсовет у них там, что ли? В соседних классах тоже орут.

Я это слышал не хуже его. Кажется, незапланированная перемена радовала весь этаж. А потом все заглушил нарастающий грохот, будто кто-то неся, как конь, через рекреационный зал в сторону нашего коридора. Наш класс был по коридору самым первым – и через мгновение дверь распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель.

На пороге возник наш трудовик, мужчина обычно невозмутимый, а сейчас – свежесколько-красный, потный, хрипло дышащий. Он держался за дверь, чтобы не согнуться пополам.

– Соблюдайте спокойствие! – прохрипел он. – В школу проникли вооруженные люди. Из класса никому не выходить до появления полиции! Забаррикадируйте двери!

Мгновение жуткой тишины, потом крики:

– С оружием?

– Террористы?

– А где учителя?

– Захвачены в учительской! – С этими пугающими словами трудовик исчез из виду.

И еще через мгновение все звуки перекрыла автоматная очередь.

Что тут началось! Крики, визг, часть девчонок тут же полезла под парты. Несколько парней принялись срывать со стены доски, обычную и интерактивную. Я догадался, что они собираются перегородить ими дверь, – а Димка уже тянул меня прочь из класса.

Выскочили, прижались к стене, огляделись. Я только тут сумел перевести дыхание: трудовогока нигде не было видно, значит, стреляли не по нему. Прислушался: во всех классах вдоль по нашему коридору в спешке строили баррикады, а вот других звуков, которые бы выдали нам местонахождение террористов, слышно не было. Похоже, на этом этаже все чисто.

– Давай к учительской! – решил я.

Но Димка помотал головой:

– Не, сперва проверим первый этаж. Там же наверняка кто-то остался, у входа в школу. Отберем автомат, и учительскую будет проще отбить. Только, Леха, пуле все равно, атлант ты или нет, в курсе?

– Да знаю я! Ладно, давай вниз!

На лестнице мы задержались, прислушались. Звуки доносились сверху, но как-то глухо, ничего не понять. А внизу и вовсе было тихо, только сирена выла и далекий голос о чем-то гулко вещал в рупор. Значит, полиция уже окружила школу. Но лучше бы нам разобраться без нее.

Мы промчались мимо столовки по длинному коридорчику и выглянули в холл перед раздевалками. Первой, кого я там увидел, была наша техничка, скорчившаяся в уголке на самом краю длинной скамьи. По ее застывшему взгляду я понял, что она видит одного из террористов. Она – да, а вот мне пришлось высунуть голову, чтобы его рассмотреть. И моментально

раздались выстрелы. Я отскочил в коридорчик, снес Димку, мы вместе рухнули на бетонный пол. Воздух заполнился пылью. Я угадал, что стреляли не в меня, а в дверной проем над моей головой. А потом пыль немного осела, и я увидел человеческую фигуру, черную с головы до ног. Только глаза поблескивали в прорезях балаклавы. И автомат наготове.

Честно говоря, я никогда не думал, что это так страшно и опасно, даже для нас с Димкой. Мы ведь откровенно лоханулись, никак не использовали свои преимущества. Вот и сейчас я смотрел на него с пола и не знал, что мне делать. Броситься в атаку? Но если он успеет пальнуть, очередь прошьет меня и Димку. Оставалось только ждать. К счастью, этот тип не мог знать, с кем имеет дело...

– Пацан, давай сюда! – Он ткнул дулом в мою ногу. – Ко мне подошел, в темпе!

Такой вариант меня очень даже устраивал, но для виду я захныкал и вцепился в Димкину руку.

– Я что сказал!

Тогда я заткнулся, встал с пола и, хромая, приблизился. Тип моментально перехватил автомат левой рукой, а правой схватил меня за плечо, развернул к себе спиной и прижал наподобие живого щита.

Мне только того и нужно было. Миг – и террорист уже отправился в полет через мою голову и до конца коридора. Тяжело брякнулся об пол и затих с неестественно завернутой за голову рукой. Подскочивший Димка выхватил у него автомат, проверил пульс, удовлетворенно кивнул:

– Живой! Но уже не боец, правая рука в хлам. Твоя коронка, да?

– Может, успокоим тетя Раю?

Но мой приятель решительно мотнул головой:

– Не стоит пока. Она пустит в школу полицейских, а зачем нам эта помеха? Сами справимся, с автоматом-то. Эх, жаль, нельзя узнать, сколько их тут таких борзых.

Я наклонился и сорвал с террориста балаклаву. Увидел довольно молодое молочно-белое лицо, все еще приоткрытые в безмолвном крике полные искусанные губы. Да, заговорит он явно нескоро, и уже не с нами.

– Ты поосторожней с автоматом, – напомнил я Димке. – Только поверх голов стреляй.

– Без тебя не соображу, ага, – недовольно буркнул тот.

И мы снова понеслись наверх.

На этот раз сразу взлетели на четвертый этаж. В холле царила тишина, от лестничной площадки до учительской было метров десять, но я не слышал оттуда ни звука. Значит, хоть один из захватчиков точно там.

Мы на цыпочках подбежали к двери, я распахнул ее, а Васильев ворвался внутрь, что-то дико вопя. Я – следом. Увидел, как шарахаются, вжимаются в стены наши бедные учителя.

Мне показалось, что мы ошиблись и никого постороннего тут нет. Я уже открыл рот, чтобы извиниться, но тут мой взгляд упал на шкаф с классными журналами. Он стоял почти в углу, однако до стены оставался еще примерно метр, и в эту нишу учителя вешали одежду. А теперь там застыла без кровинки в лице молодая учительница младших классов.

Она почти висела на тощей черной руке, сжимающей ее тело поперек груди. Кисть в черной перчатке упирала нож ей под подбородок. Силуэт террориста едва угадывался в тени проема, но его глаза сейчас наверняка были прикованы к нам с Димкой.

– Эй, малыш, бросай автомат мне под ноги, – раздался сиплый голос, предательски подрагивающий.

Димка постоял еще пару секунд, наверняка просчитал все варианты – и сделал, как было велено. С надеждой покосился на меня, я чуть заметно пожал плечами. Ситуация становилась

патовой: я мог метнуться на гада, возможно, моя скорость произвела бы на него впечатление. Но где гарантия, что он не успеет всадить в горло женщины нож, хотя бы импульсивно?

Бандит ногой осторожно подтянул к себе оружие, но глаза не опустил – а я так на это надеялся.

– Откуда у вас автомат, пацаны? – Сиплый голос вновь выдал его панику, рука дернулась, заставив учительницу охнуть.

– А ты как думаешь? – с напором заговорил Димка. – Полиция уже в школе, все ваши повязаны. Так что лучше сдавайся.

Но террорист оказался не так-то прост.

– И менты вам, что ли, оружие выдали? – проскрипел он.

– Нет, сами раздобыли...

– К стене, живо! – вдруг заорал этот тип. – И мордами уперлись в стены.

Я увидел, как завуч лихорадочно машет мне рукой: подчиняйтесь! А Димка уже стоял у стены. Я же медлил, все еще просчитывая варианты.

И вдруг дикий вопль из рекреационного зала заставил вздрогнуть всех без исключения в учительской. Скорее даже это был визг, который перешел в призыв:

– Помогите-и!

А следом такие слова, которые вряд ли знали даже учителя-мужчины в нашей школе.

Террорист вдруг рывком отшвырнул от себя учительницу, та пролетела полкабинета и зарыдала в голос раньше, чем завуч поймала ее и крепко прижала к своей пышной груди. Человек в черном выступил из угла, склонился, чтобы подхватить с пола автомат...

Тут-то Димка и приложил его слегка ребром ладони по шее. Не издав ни звука, тот кулем рухнул на пол. А мы ринулись в зал.

Удивительную картину я там увидел. Прямо посерединке рекреационного зала лицом вниз лежал еще один тип в черном, орал и колотил по полу ногами и левой рукой. На спине его сидела Бридж и со страдальческим выражением на лице слегка заламывала ему правую.

Какая-то тень отделилась от стены в паре метров от дверей учительской, скользнула в нашем направлении.

– Мы не знали, как вы там. Чего так долго возились? – недовольно произнесла Иола.

Димка громко заржал:

– Зато вы тут, смотрю, времени зря не теряли!

– Кстати, могли бы и заскочить за нами в класс – тогда с самого начала действовали бы организованно. – Настроение у Иоланты явно не улучшалось.

– Простите, девочки, как-то мы про вас подзабыли, – сказал Васильев. – Итак, это третий. Сколько их всего?

– Он пока не сказал, – пробормотала Бриджит.

– Ну, так спроси его. Или лучше сам этим займись.

Димка с самым зверским выражением на лице шагнул в направлении распростертого тела.

– Нет, я сама, – торопливо пробормотала Бридж несчастным голосом и снова взялась за руку террориста. Но никакие усилия не понадобились, поскольку от одного ее прикосновения тот взвыл жутким голосом:

– Четверо! Нас тут четверо!

– Хорошо, – сказал я, подходя к нему поближе. Тот смотрел на меня с пола одним глазом, в котором плескался звериный ужас. – Один внизу, один в учительской и ты. А куда четвертый побежал?

Неповрежденной левой рукой бандит ткнул куда-то вверх.

– На крышу, что ли? Зачем это?

Молчание.

– Ну же! – Я наклонился над ним, но отшатнулся от резкого запаха пота и ужаса. – Говори! Или рука не нужна?

– Чтобы установить... бомбу, – прохрипел террорист. – На чердаке.

От этих слов у меня просто волосы зашевелились, ахнула и вскочила на ноги Бридж. Если все так, то даже мы бессильны, а школа полна народу.

Что-то загрохотало на лестнице: это неслись вверх ворвавшиеся в школу полицейские. Бросив террориста валяться на полу, мы ринулись в боковой коридор. Я ускоренно соображал, как можно попасть на школьный чердак, и вспомнил-таки: рядом с медкабинетом в торце коридора была неприметная дверца, всегда глухо запертая и выкрашенная в цвет стен, с табличкой «Запасный выход». Мы примчались туда и сразу поняли, зачем стреляли: от дверцы остались только щепки, в темноте проема виднелось нутро узкой каменной лестницы с истертыми ступенями, по ней мы устремились вверх. Если террорист еще не установил и не запустил свой смертоносный механизм, тогда есть надежда остановить его.

Через мгновение мы уже оказались на чердаке, темном и обширном. И очень захламленном: вдоль стен громоздились парты, совсем древние, непривычной формы, и старые доски, и кучи истлевших тетрадей. Свет поступал лишь через небольшие, размером с кирпич, окошки по всему периметру. Первым делом я прислушался: нет, здесь больше не было террориста, он давно сбежал по лестнице вниз, пока мы занимались его товарищами. Зато я отчетливо слышал негромкое сухое тиканье...

По звуку я быстро сообразил, где находится бомба, перелетел одним прыжком через груды парт и застыл над потрепанным рюкзаком защитного цвета. Но я понятия не имел, могу ли хотя бы коснуться его.

– Что же делать? – это Бридж спросила.

Димка ответил коротко и зло:

– Выводить народ из школы. Другого варианта нет.

– Но времени совсем мало, а на втором этаже полно малышей...

– Малышами сами займемся. Снесем оконные проемы и начнем с Лехой выбрасывать их пачками на улицу. А девочки станут ловить внизу. Спалимся, конечно, но тут ничего уж не поделаешь.

Я услышал, как судорожно вздохнула за моей спиной Иола, и сказал:

– Нет, все равно можем не успеть, а то и шею кто свернет. Сделаем иначе.

Подбежал к окошку: отсюда хорошо была видна спортивная площадка школы, отгороженная с трех сторон и абсолютно пустая. Затем долбанул ногой по стене: образовался вполне внушительный проем. Замирая от ужаса, схватил рюкзак, размахнулся и отослал его в самый удаленный от школы угол площадки: там взрыв вряд ли чему повредит, разве что накроет гаражи по другую сторону ограды. Зажмурился... Однако ничего не произошло.

– Теперь уходим. – Звучный хлопок Димки по плечу вывел меня из ступора. – Нечего тут больше светиться.

– Да куда уж больше-то, – скривилась Иола. Вид у нее при этом был такой, будто это мы учинили весь этот бардак до того, как она успела вмешаться. Но Димка был полон оптимизма:

– Ничего, бандюганам никто не поверит, будто их школьники завалили, некоторых так вообще – девчонки. А учителя ничего особенного и не видели и наверняка решат, что мы просто вот такие отчаянные ребяташки.

По черной лестнице мы скатились на первый этаж, к запасному выходу, скрытому в самом потайном закутке школы, за раздевалками. Порадовались внушительному навесному замку – значит, четвертый бандит не сумел этим выходом воспользоваться и наверняка уже схвачен. Иола расправилась с замком быстро и аккуратно, раскрошив его руками, словно пряник.

Правда, пользоваться выходом пришлось осторожно, потому что к тому моменту школа уже была оцеплена по периметру. Пришлось нам по-пластунски заползти за заснеженные кусты жимолости и шиповника, растущие почти впритык к школьной стене. Даже если нас тут обнаружат, скажем, что испугались выстрелов и нашли путь наружу.

– Ладно, давайте все обсудим, – воспользовалась ситуацией Иола. – Не одной же мне все это кажется чертовски подозрительным?

– Не считай себя самой умной, – посоветовал я. Ну как эта девчонка ухитряется задаваться и выпячивать себя абсолютно в любой ситуации?

Иола талантливо сделала вид, будто меня не существует в природе. И продолжала:

– Сначала полутруп в лесу во время лыжного кросса. Теперь школу захватывают террористы с автоматами и бомбой. Мы, кстати, первым делом спросили того типа, что им нужно в школе. Угадайте, что он ответил?

Мы с Димкой синхронно пожали плечами. Нет, предположения у нас были, но Иоланте выступление лучше не портить, себе дороже выйдет.

– Он сказал, что их просто наняли. Заплатили и обеспечили всем необходимым: автоматами, одеждой с масками, схемой школы. Теперь еще и бомбой, как выясняется. Что думаете?

Вот тут уж Димка молчать не стал.

– Ну, Иол, если вопрос не риторический, то вот мой вариант ответа: допустим, кто-то предполагает, что в школе учатся атланты. Но не знает, кто именно, или знает не всех, или хочет убедиться наверняка. Этот кто-то создает ситуации, в которых мы, если не совсем уж нелюди, как-то себя проявим, ну, отнесем умирающего в больницу, эвакуируем школу. И спалимся заодно. Так?

Иола молчала, что-то напряженно обдумывая.

– Зачем и кому это нужно? – не стерпел я.

Сначала мой вопрос повис в воздухе. Иола несколько раз выразительно глянула на Василюва, тот скромно помалкивал.

– Ничего не хочешь сказать, Дим? Это ведь только от тебя мы слышали про Инквизицию. А теперь, похоже, появились доказательства ее существования, и ты молчишь?

Димка тяжело заворочался в своем кусте. Я видел, что говорить ему на эту тему почему-то совсем не хочется. Но мы все ждали, и он выдал из себя натужным голосом:

– Да я сам толком ничего не знаю. На уроках мадам Софи четко говорила: Орден инквизиторов, созданный для охоты на Древних, существовал в дремучей древности, а потом распался и никогда больше о нем никто не слышал. Все так считают, и я тоже так думал. До сентября прошлого года.

– И что тогда случилось? – встрял я.

– День рождения у нашей мадам случился. Нагрянуло много гостей снизу, она ведь и у Древних ведет занятия. Рассказывает тамошним детишкам о мире людей, обучает земным языкам...

– Знаем, дальше давай! – рыкнула на него Иола.

Я лично не знал, но сейчас не до того было.

– А я заметил, что мадам и сам Соболев какие-то... ну, словно малость не в себе. Делают вид, что рады гостям и подаркам, а сами только и шепчутся украдкой. Ну, я и наострил уши. И услышал, как Эрик Ильич выдал жене такую фразочку: «Если это Инквизиция, то мы поставим под удар весь Нижний мир. Через нас могут выйти на них. Значит, нужно закапывать лагерь и уезжать».

Меня затрясло, хоть я теперь и не подвержен холоду. Наш прекрасный лагерь, с его теплым небом, вечным летом, конями и огородами – все это уничтожить?!

– А мадам его вроде как осадила, – продолжал Васильев. – Сказала, что глупо бояться каждой тени, будоражить детей, пока нет ни единого доказательства, будто Орден возродился. Ну это и все, что я слышал.

– Класс! А зачем говорил, что Инквизиция существует?

– Я не...

– Говорил Алешке, я слышала!

– Ладно, говорил, – порозовел Димка. – Просто так мне казалось интересней. А сейчас вот начал задумываться: что, если и в самом деле? И Соболя с нами нет, как назло.

Тут в разговор вступила Бридж – как всегда по существу:

– Думаю, нам не стоит пока ходить в школу. Зачем, как это говорится... дразнить собак. Побудем пока в лагере до возвращения директора.

– Правильно, – тут же согласилась Иола, хотя и с кислым видом. – Только вот мама моя... у нее самолет через два дня, мне придется побыть с ней.

– Я тоже родителей не могу пока оставить, – спохватился я.

И немедленно навлек на себя гнев Иоланты.

– А вот тебе стоило бы немедленно отправляться в лагерь и носа оттуда не высовывать. Если кто-то всерьез заинтересовался нами, то это после твоих прошлогодних подвигов. Возможно, пока знают только про тебя, а нас вычисляют методом тыка.

– Ой, прости! – взорвался я. – Да если бы я вел себя неприметно, ты бы сейчас... – Тут я закрыл глаза и громко всхрипнул.

Иола широко распахнула рот, собираясь изничтожить меня ответом.

– Думаю, следует сохранить статус-кво, – поспешила вмешаться Бридж. – Пусть Алеша живет дома, как прежде. А мы прямо сейчас отправимся в лагерь и позаботимся, чтобы нас никто не выследил.

На этом и порешили. Тут как раз одна из машин с мигалками, стоявшая с самого краю, начала разворачиваться и медленно выезжать с территории школы. Следом за ней в образовавшийся просвет метнулись и мы на такой скорости, что, даже если нас и заметили, опознать бы точно не смогли.

На углу улицы, на которой я жил, Димка хлопнул меня по плечу со словами:

– Ну, будем держать связь!

Бриджит помахала узкой ладошкой и печально улыбнулась, а Иола и головы в мою сторону не повернула. Разошлись – и снова распалась иллюзия единства. И я поплелся нога за ногу домой, попутно размышляя, что делать со школой и родителями. То ли соврать им, что болен, то ли просто уходить по утрам из дома. Ясно одно – в лагерь я пока не сунусь, не ровен час, каким-то образом наведу на него незваных гостей, сейчас ведь такие хитрые способы слежения существуют...

И конечно, весь вечер в телевизионных новостях только и болтали что о захвате школы в мирном городке под Питером. Родители, едва услышав об этом, уставились на меня с такими лицами, будто спросить хотели: снова твои фокусы?

– Ничего об этом не знаю, – поспешил я откреститься. – Мама, папа, мне очень стыдно, но я сегодня проспал и решил в школу... ну, забить на нее, в общем. А потом уж ребята позвонили, рассказали...

– Ну, хоть раз в чем-то повезло, – подытожила мама.

А я тем временем с ухающим сердцем впивался взглядом в каждый кадр бесконечных сюжетов. Вдруг кто-то все же заснял нас незаметно, и в самый неподходящий момент, или в школе есть скрытые камеры? Но все обошлось. В основном показывали, как вытаскивали из школы неудавшихся террористов, одного с заломленными руками, троих – на носилках. И как обследовали рюкзак на спортплощадке. На сообщение о бомбе, хотя она в самом деле оказа-

лась имитацией, родители отреагировали торжественным освобождением меня от занятий, как выразился отец, «до полного прояснения обстоятельств».

Глава шестая

Ночные тревоги

А ночью меня разбудил телефонный звонок. Спросонья я сперва схватил мобильник – не он. Высветившийся экран указал время – три часа ночи. Чертыхаясь, стащил трубку стационарного, прислушался: не раздастся ли в трубке голос кого-то из родителей. Но, похоже, мать с отцом после вечерних переживаний спали крепко.

А потом я услышал перепуганный голос сестры:

– Алешка, ты в порядке? Я увидела в интернете, чуть со страху не умерла!

В последнее время разговоры с Киркой у нас не ладились, но сейчас мне впервые не захотелось ей хамить.

– Все в порядке, Кир, не переживай, – сказал я.

– Но ты понимаешь, что все это не просто так? Ну откуда в нашем городишке террористы? Ты ведь был там, да?

– Ага, только родителям ни слова, ладно? – На всякий случай я даже на шепот перешел.

– Слушай, Алеш, я просто с ума схожу – так за тебя волнуюсь, – трагическим голосом произнесла в трубку сестра. – Я ведь даже не знаю, что с тобой происходит.

– Возвращайся домой – будешь всегда в курсе, – начал заводиться я.

– Ты же знаешь, что это невозможно.

– Не знаю. Почему? Твой дружок боится моего дурного влияния на тебя? Ну так ему стоило быть малость повежливей... с будущим родственником...

– Дело не в этом, – перебила меня Кира. – Просто Игорь очень боится за меня. Особенно теперь. Он говорит, что скоро в этом городе еще и не такие вещи произойдут.

– А какие? – тут же спросил я. – Если он знает, то и ты тоже, да? Так скажи мне, все же я твой брат, разве нет?!

– Я не могу, – печально промямлила Кира. – Не могу предать его доверие. Ты ведь лучше всех понимаешь, как я к нему отношусь...

Я не понимал, но не стал вдаваться в подробности.

– Ты можешь поговорить с родителями, чтобы вам всем вместе уехать в Питер? – написала сестрица.

– Это еще зачем?

– Я не могу сказать, я уже объяснила... Но это ради вашей безопасности!

– Кира, хватит! – заорал я шепотом. – Если ты знаешь, в чем дело, и не говоришь мне, то ты самая настоящая предательница! И нечего зря воздух сотрясать, потому что папа и мама никуда без тебя не поедут! Все, кончен разговор!

Мне хотелось напрочь раздолбать телефон, но ради родителей я даже трубку не швырнул, а осторожненько повесил.

Сон сгинул безвозвратно. Я и злился на сестру, и тревожился за нее. Вот где она сейчас? Под землей мобильники не берут, значит, выбралась наверх, пока Игорь спит, и бродит сейчас по лесу. Или в городе, может, звонит из телефонной будки на углу нашего дома.

Я подошел к окну, несколько секунд рассматривал пустынный заснеженный двор, никого не увидел, потом по привычке перевел взгляд на соседний дом. Сердце совершило отчаянный кульбит: в комнате Таси горел свет. Он и по всей квартире Разиных горел, но меня-то волновало только это окно, темневшее целых две недели. Я прижался лбом к стеклу, напрасно пытаюсь пронзить взором занавеску. Успел даже заметить чей-то силуэт, слишком крупный для Таси, но мелковатый для Ивана, и сразу за этим свет погас. Встревоженный, я не отходил от окна, фиксируя теперь малейшие изменения в других двух окнах...

Стук парадной двери переключил мое внимание, я досадливо метнул взгляд вниз... и увидел Тасю. Она стояла под козырьком подъезда, вжавшись спиной в железную дверь, и быстро-быстро вертела головой. Убедившись, что двор пуст и безопасен, девочка шагнула со ступеньки. В этот миг я уже неслся прочь из квартиры, на ходу запрыгивая в ботинки и срывая куртку с крючка.

Конечно, через пару секунд я уже был у двери нашего парадного, но строго напомнил себе, что во дворе нужно двигаться по-человечески, никогда ведь не знаешь, кто смотрит в окно. Тасю я догнал в районе детской площадки. Девочка вздрогнула, услышав шаги за спиной, сжалась в комок, оглянулась...

– Тась, не бойся, это я.

Что-то непохоже было, чтобы она расслабилась от этих слов, наоборот, попятилась от меня, в глазах – паника. Одетая явно наспех, шарф топорщится, не закрывая шеи, пальто застегнуто не на те пуговицы. И школьный рюкзачок на одном плече вот-вот свалится в снег.

– Ты чего тут делаешь, в три часа ночи? – Я не мог скрыть изумленного возмущения. – Куда вообще собралась?

– Иди домой, Алеша, – попросила Тася несчастным голосом. И втянула в коротковатые рукава пальто стиснутые кулачки. Все ясно, перчатки тоже забыла захватить. – У меня дела.

– Да какие еще дела ночью, в мороз?

– Тебя это совершенно не касается! – Теперь голос звенел от едва сдерживаемых слез. – Ты следил за мной, что ли?

– Не, случайно в окно увидел. Но, Тася...

– Послушай меня! – крикнула девочка. – Я сейчас пойду, мне уже пора. И если ты сделаешь за мной хоть еще один шаг!.. Алеша, я буду относиться к тебе, как прежде, но никогда, никогда больше не буду с тобой разговаривать, вот честно!

Мы больше не будем друзьями!

Она попятилась, не сводя с меня глаз, а я ошалело прикидывал серьезность угрозы. Пока вдруг не сообразил, что это не имеет ни малейшего значения. Рванулся вперед и поймал ее за плечи:

– Ладно, все, мы не друзья. И можешь больше рта не открывать! Но я все равно не позволю тебе разгуливать одной среди ночи. Иди, куда тебе нужно, и воображай, что меня рядом нет, что я вообще в природе не существую!

Развернул ее к проходу между домами и даже слегка подтолкнул вперед. Тася на автомате сделала пару шагов, застыла на месте, оглянулась – и вдруг закрыла лицо руками.

Я снова приблизился, поправил на ней шарф и спросил:

– Ну, Тась, что происходит? Я же твой друг, расскажи мне, я все пойму.

– Ох, Алеша, мне так стыдно, – отчаянно борясь со слезами, пробормотала Тася. – Родители... они развязали.

Я даже не понял, о чем вообще она говорит:

– В смысле?

– Этого так давно не было... то есть на моей памяти – вообще никогда. Ванька рассказывал, что когда я была совсем маленькой, то едва не погибла по их вине. Родители гуляли со мной, отец разозлился на мать, пнул коляску. Та отлетела на проезжую часть и опрокинулась, я вывалилась, и меня только чудом сумел объехать какой-то водитель. И тогда папа и мама так испугались, что взяли за себя, и много лет все у нас было хорошо...

Она больше не тряслась, просто как-то обмякла в моих руках. Я еще крепче сжал худенькие плечи, спросил почти шепотом:

– И что же случилось?

– Ну, сам знаешь – они нас с Ванькой потеряли. Пока искали – держались, а вот потом... Сейчас у нас в квартире что-то ужасное творится, каждый вечер – компания с отцовской работы или не пойми откуда. Я пока перебралась к тете, а Ванька остался присматривать за ними. Но вчера вечером я говорила с братом по телефону, поняла, что он вот-вот сорвется, и предложила ему одну ночь нормально отоспаться, чтобы я вместо него подежурила. Сперва казалось, что все нормально будет, компания уже в одиннадцать разошлась, а я спать легла.

– А что потом? – не утерпел я.

– А потом отец меня разбудил, велел бежать в магазин, еще водки купить. Сказал, что мама себя плохо чувствует и ей срочно надо выпить. Я хотела заглянуть в родительскую комнату, но отец не позволил, сказал, что зайду туда, только когда выполню поручение. И вот...

– Все ясно, – сказал я, начиная закипать. – Кроме одного: кто же тебе спиртное продаст, хоть днем, хоть ночью?

– На пешеходке есть одно место, там точно продадут...

– Знаю я это место. В общем, так. – Я без колебаний стянул рюкзак с ее плеча. – Ты сейчас зайди в парадное, запри дверь и стой там, пока я не вернусь. Код ваш я знаю. Думаю, пяти минут мне вполне хватит.

– Алеша, только осторожней, в нашем дворе и так...

– Я в курсе. Все, иди в подъезд и стой у батареи, поняла? А лучше...

Я подумал, не отвести ли ее к нам. Конечно, двор у нас спокойный, но мало ли что. Тут Тася вдруг топнула ногой и вскрикнула:

– Алеша, скорее! Я с ума сойду, если не увижу, что с мамой! И рванула через сугробы обратно к подъезду. Я проследил взглядом, как она скрывается за дверью, услышал щелчок кодового замка и сорвался с места. Нет, двор наш я пересек на нормальной человеческой скорости, а вот дальше уже действовал по обстоятельствам: во дворах под прикрытием деревьев переходил на атлантскую и через пару минут уже входил в маленький дворик, где за фасадами старинных домов нашего исторического центра притаилась обыкновенная распивочная.

Сонный продавец не глядя протянул мне требуемое, пара алкашей, тут же коротающих ночь, отпустила пару тупых шуток насчет моего возраста. А я уже спешил назад, неся по ярко освещенной пешеходке, мимо серебристо-белой искусственной елки и исполинского Деда Мороза. Если кто-то из окна и увидел мой стремительный бег, то у него был выбор: принять меня за снежный смерч или мираж.

Наверное, и пяти минут не прошло, как я уже влетал в парадное. Выдохнул, лишь увидев Тасю: она жалась к батарее, но тут же бросилась ко мне, протягивая руки:

– Принес? Давай скорее.

Смотрела она при этом куда-то в сторону. Я молча стянул с плеча рюкзак, но ей не отдал, сказав:

– Я пойду с тобой. И лучше, если ты передашь им это, а потом пойдешь ночевать ко мне. Родители не будут возражать, и комната сестры свободна, сама знаешь.

Но тут Тася замотала головой с такой энергией, что ее старенькая вязаная шапка улетела аж до середины лестничного пролета:

– Нет, я домой! И ты со мной не ходи, не надо!

– Но, Тася...

– Прекрати, там же мои родители. Что мне может угрожать?! Спасибо тебе, Алеша! И иди!

Она даже уперлась мне ладонями в плечи, словно стараясь поскорее вытолкнуть на улицу. Я понял, что на этот раз лучше будет уступить, коротко кивнул и вышел из парадного. На душе было мерзко. Минут двадцать я бродил по нашему двору, смотрел на окна, видел, как загорелся и через пять минут снова погас свет в Тасиной комнате, но на улицу она больше не вышла. Значит, все в относительном порядке, значит, легла спать.

Я вернулся к себе и промаялся почти до рассвета, задремал ненадолго и снова проснулся в восемь. Первым делом позвонил Тасе. На этот раз она не стала меня игнорировать, ответила почти сразу. Но голос ее звучал устало и как-то тускло.

– Как мама? – спросил я прежде всего.

– Ничего. Она спала, когда я вернулась. Отец сейчас тоже утомился. – Она говорила приглушенно, наверное, чтобы не потревожить родителей.

– А ты что делаешь?

– Ну как? В школу собираюсь, конечно. Только, думаю, сразу отключусь за партой, так хочется спать. Но ничего, потом пойду к тете, отосплюсь там. А сюда придет Ваня.

– Можно, провожу тебя до школы?

– Спасибо, не нужно, – прозвучало в ответ вежливо и равнодушно. – Я такая сонная, мне даже разговаривать тяжело.

Тут я сообразил, что Тася не спросила меня про школу, хотя о таком происшествии наверняка гудел весь город. Телевизор она не смотрит, но неужели никто не позвонил и не рассказал, тот же Ванька, к примеру?

– Ладно, бывай, – сказал я, давась обидой. И поскорее отключился.

Глава седьмая

История с призраком

Делать, по большому счету, было совершенно нечего.

Я прошелся по квартире, убедился в отсутствии родителей, нашел еду в микроволновке и записку от мамы: «Уехали по срочному делу, будем поздно. К школе даже на километр не приближайся».

По телевизору снова без конца склоняли наш городок из-за происшествия в школе. Занятий там сегодня не было, работали оперативники и саперы. Со скуки я позвонил ребятам, сначала Димке, потом Бридж и под конец даже Иоле. Но никто мне не ответил. Все понятно, валяются на берегу нашего озера, загорают и болтают, пока их мобильники мерзнут в верхнем бараке. Или возьмется с нашими лошадками. Так потянуло в лагерь, я даже подумал, не отправиться ли туда прямо сейчас. Но боязливо екнуло сердце: не навести бы на них беду.

Зазвонил телефон, я схватился за него в надежде: если кто из наших, попрошу забежать за мной и подстраховать. Но высветился номер без имени. Я чуточку поколебался, потом ответил.

Голос, прозвучавший в трубке, показался мне девчоночьим, каким-то плаксиво-жалобным. Не поняв фразу, я переспросил:

– Кто это говорит?

- Привет, это я, Женька Карамыш. Ты сам мне дал телефон.
- А, точно, было. Что у тебя, Женька?
- У меня... это... – Карамыш запинаясь, в голосе явственно звучали слезы. – В общем, я влип...
- Опять не прошел мимо чужого кармана?
- Не... я... школа ведь не работает...
- А, верно. Так где ты?
- Дома. Тут... у меня...
- Слушай, хватит причитать, – потерял я терпение. – Хочешь, сейчас забегу, и все расскажешь? Пойдет?
- Пойдет, – икнул в ответ мальчишка и сообщил свой адрес.

А я был рад хоть какому-то развлечению. Потому в бодром темпе оделся, выскочил из дома и через десять минут уже звонил в Женькину дверь, поскольку дверь в парадное оказалась открыта настежь, да еще и приперта камнем.

Женька открыл мне почти сразу, уныло кивнул и попятился с порога, давая пройти. В носшибанул запах лекарств, помойного ведра, немытого тела, ужасно захотелось дышать в рукав. Да, теперь понимаю, каково приходится собакам, хорошо хоть они не так брезгливы.

– Ну, что у тебя случилось? – спросил я.

– Бабушку на «скорой» увезли, – сообщил мне Женька. – Прямо ночью.

Уши-лопухи понуро обвисли, глаза покраснели, сам он в домашней футболке и трениках до подмышек казался совсем маленьким, едва ли не дошкольником. И невероятно жалким.

– Слушай, мне жаль. – Я катастрофически не знал, что говорить в таких случаях. – Но у тебя же есть еще кто-то из родни, да?

Карамыш энергично замотал головой:

– Никого нет. Родители это... в общем, погибли в автокатастрофе, когда я маленьким был, только бабка осталась. Просто у нас с ней был договор: не трепаться насчет этого. А то бы живо в детский дом загребли.

– Так теперь ты один, получается? – глупо спросил я.

Женька горестно шмыгнул носом:

– Ага. Врачи оставили телефон, сказали, можно узнавать... Только мне боязно туда звонить.

И кивнул на обувную тумбу, на которой лежал листок бумаги. Я обрадовался реальной деятельности, схватил бумажку и набрал номер со своего мобильного.

Сначала долго звонки шли в никуда, потом ответил тусклый голос, не поймешь, мужской или женский.

– Я хочу узнать насчет больной, – зачастил я, сильно волнуясь. – Ее ночью с улицы Рощинской забрали. Как она?

Последовала пауза, я весь взмок, пока ждал. Но голос произнес все так же равнодушно:

– Состояние тяжелое. Больше ничего сказать не могу. Вам позвонят, если будут изменения.

И разговор закончился.

– Пока все нормально, лечат твою бабушку, – немного поменял я акценты для этого бедолаги. – Ты того... не раскисай.

Но, кажется, мои пожелания ни к месту: пацан уже был до чертиков испуган и подавлен.

– Ты говорил, что отведешь меня куда-то, – сказал он, подкладывая зубами. – Ну, где мне все объяснят и расскажут. Можно прямо сегодня туда пойти? Не хочу я тут один сидеть.

Вот этого я и опасался. Странно, совсем недавно у меня бы и сомнений не возникло, что нужно отвести мальчика в наш лагерь, раз уж такие обстоятельства. Но в последнее время

в душе не умолкал тревожный звоночек. Конечно, Женька вовсе не смахивал на троянского коня, но все же... лучше дожидаться директора.

– Я уже сказал: нужно подождать, – отрезал строгим голосом. – Пусть сначала вернется один человек, и я сразу отведу тебя к нему. Но не раньше.

Женькин взгляд явственно вопрошал: а пока что со мной будет?

– Слушай, давай так, – заговорил я, на каждом слове борясь с желанием отделаться от пацана и смыться из этой провонявшей болезнью и старостью квартиры. – Пока твоя бабушка болеет, я за тобой пригляжу. Могу даже пожить здесь маленько. Только уговор: меня слушаться, уроки учить, в школу ходить...

– Так школа же...

– Сегодня закрыта. Но с завтрашнего дня все будет, как обычно. Да, и про чужие карманы забыть навсегда.

– Уже забыл, – вспыхнул Карамыш.

Вот так я и оказался в няньках у этого ушастого кабачкоголового пятиклашки. Конечно, перспектива не радовала, но если разобраться – лучше уж это, чем бездействие и скука. Я прошелся до дома, оставил родителям записку, что планирую пару дней пожить в лагере. Потом хорошенько пошарил по полкам, запасаясь продуктами, чтобы лишний раз не ходить по магазинам, даже прихватил сметану, хотя терпеть ее не мог. Но таким мелким и худым, как Женька, наверное, требуется.

Пока ходил домой, Карамыш успел куда-то слинять, однако у меня был запасной ключ от его квартиры. Я зашел на кухню, сморщился от отвращения: раковина была до краев забита грязной посудой, от нее уже шел кислый запах, но еще ужасней воняло мусорное ведро, почему-то стоящее едва ли не в центре крошечной кухни. Я пожалел, что не обнаружил все это раньше и не приказал пацану первым делом навести порядок. Теперь пришлось самому браться за дело. Ведро я вынес на помойку, а затем, морщась от отвращения, включил воду и первым делом залил все гелем для мытья посуды.

Постепенно я даже вроде как втянулся в процесс настолько, что после кухни еще и прошелся с веником по всей квартире – пылесос не сумел найти. И впервые побывал в Женькиной комнате. Ничего примечательного, обычная захламленная комната школьника-разгильдяя: кровать не заправлена, на письменном столе грудой вывалено содержимое школьного рюкзака, среди которого оказалось закопано штук пять использованных чашек, засохший кусок пиццы и еще всякая дрянь.

Лишь один предмет меня заинтересовал: на подоконнике обнаружился стальной ящик наподобие сейфа. Я подошел, повертел его в руках, подергал дверцу – заперта. Уж не там ли этот типчик хранит стыренные в раздевалке телефоны? Хорошенько встряхнул, но стука никакого не услышал. Зато услышал что-то другое, похожее на испуганный писк, и вроде как шебуршание. Присмотрелся: по периметру ящика шли малюсенькие отверстия. Мысль, что Женька может держать в этом сейфе хомячка или крыску, мне категорически не понравилась, потому что тогда у потенциального атланта точно неважно с головой. Я отставил сейф в сторону и начал разгребать прочий мусор на подоконнике, надеясь, что ключ тоже где-то здесь.

Но ключа там не оказалось. Лишь всякий хлам вроде рваного носка, внутри которого обнаружилась пластиковая рыбка и погрызенный фломастер. Изорванная старая книжка, а в ней – фотография, сложенная пополам. На фоне американской горки стояла какая-то женщина с очень светлыми волосами, низенький толстячок с довольным видом, а вокруг них кучковались дети. Женька и две девчонки, обе младше его, одной вообще года четыре. Кстати, Карамыш тут выглядел лучше, чем сейчас, не такой худой и жалкий, и держался куда более уверенно. Интересно, если родители погибли, то где его сестры. Неужели тоже? Эти невеселые соображения отвлекли меня от мыслей о сейфе.

Женька вернулся через час и выглядел таким пришибленным, что я не стал его донимать вопросами, сразу велел садиться за стол. При виде тарелки с разогретым жарким глаза его вспыхнули.

– Сам приготовил?

– Ага, конечно. Из дома притащил. А ты где шлялся? Или, может, в больницу ходил?

Мальчик почему-то замялся:

– Не, я... другие дела.

– Ничего противозаконного, надеюсь? – Надо же, полдня всего в няньках, а уже заговорил скрипучим воспитательским голосом, точь-в-точь мама, когда не в духе.

Женька резко поднял голову, тонкая верхняя губа поползла вверх, открывая мелкие зубы, светлые глаза побурели. Мне показалось, что сейчас он завизжит от ярости или пошлет меня. Но парнишка справился с эмоциями, помотал головой:

– Не. Честно.

В один миг заглотил еду и ушел дергающейся походкой к себе в комнату. Я же снова занялся мытьем посуды. От этого процесса меня отвлек звонок.

«Наконец-то!» – Я уж вообразил, что кто-то из ребят вспомнил обо мне или хотя бы увидел мой входящий вызов. Но на экране снова был только номер, без имени. Я отозвался, и тусклый голос без выражения произнес одну лишь фразу...

Вечер прошел скучно. Женьке о звонке я ничего не сказал: зачем сообщать человеку на ночь глядя, что он остался один на свете? Сначала самому надо с силами собраться. Потом стали готовиться ко сну, притащили с лоджии пыльную раскладушку. Ее я вначале планировал установить в бабкиной комнате, но не смог побороть брезгливость: так и чудился сладковатый старческий душок. Поэтому перебрался в комнату Женьки, который уже сидел с обычным своим кислым видом на своей кровати и копался в телефоне. Я заметил на тумбе рядом с постелью упаковку таблеток, на этот раз и вправду это было снотворное, отец мне такое покупал. И спросил:

– Пьешь все-таки?

– Ага, – снова скривился мальчик. К разговорам он был явно не расположен.

Уснул я на удивление быстро, наверное, умотался по хозяйству. Плюс бессонная прошлая ночь. Спал крепко, но под утро подскочил на своей раскладушке от дикого вопля рядом. Кричал Женька, я видел в полутьме его сидящий в постели силуэт. Обеими руками он ощупывал свое лицо.

– Что случилось, эй?!

Мальчик замер, вроде как затаился, и мне пришлось повторить свой вопрос.

– Кошмар приснился, – нехотя проскрипел Карамыш. – Прости, что разбудил.

– Ладно, спи дальше, до подъема еще час, – распорядился я, заглянув в мобильный.

Тот нырнул с головой под одеяло и затих. Я тоже постарался уснуть, и тут до меня дошло. Какие такие кошмары мог видеть Женька после снотворного? Мы ведь не видим снов, пока не станем Соединившимися.

Что-то сильно много вопросов вызывал у меня этот малец. Я подумал, что завтра необходимо ему устроить хорошенький допрос, вот пусть только вернется из школы. Тут я вспомнил, что придется ему рассказать о смерти бабушки, – и совсем расстроился. Долго лежал и размышлял, как вообще о таком говорят, ну, какими фразами. В результате подъем я проспал, парень без меня смылся на уроки, чему я был чрезвычайно рад.

Я прогулялся до дома, пошатался бесцельно по городу. В центре меня застал звонок. Звонил Женька. Но говорил таким торопливым и задавленным голосом, что поначалу я его даже не понял. И осадил:

– Говори нормально!

– У меня проблемы, – чуть более внятно, но все так же тихо отозвался мальчишка.

– Что еще? Опять старшеклассники наехали?
– Нет. У меня бабушка умерла.
– А, знаю, – скис я. – Мне из больницы звонили, я хотел тебе после школы рас...
– И меня отправляют в детский дом!
– Что, вот так прямо и отправляют? Из школы?
– Ага... Меня с урока тренер забрал и велел ждать у него в тренерской, когда за мной приедут. А сам ушел куда-то. Вот я тебе и звоню.

Последнюю фразу Карамыш проговорил умоляющим голосом, ясно давая понять, что я – его единственная надежда. Быстро обмозговав ситуацию, я начал втолковывать ему:

– Слушай, ну что ты паникуешь? Ничего страшного не случится, если даже тебя отвезут в детский дом. Позвонишь мне и скажешь, где он находится. А через пару дней вернется нужный человек – и дальше как договаривались.

– Да-а, ты все время только обещаешь, – прорыл в трубку Женька. – А я боюсь.

– Чего боишься? Детского дома?

– Нет, – снова перешел на придушенный шепоток мальчишка. – Тут что-то непонятное происходит. Новый тренер так странно смотрел на меня и все выспрашивал, кто из родных у меня есть. А еще – с кем общаюсь, есть ли друзья, кто в курсе, что бабушка заболела. А потом запер меня в тренерской, даже в туалет не дал сходить.

Вот тут я напрягся. Новый тренер! Ведь если разобраться, именно с его появлением и стали происходить все эти странные вещи: умирающий мужик в лесу, нападение террористов. А теперь вот Женька. Кажется, пацана в самом деле пора вытаскивать из школы. Ничего, в крайнем случае у меня поживет до возвращения Эрика Ильича...

Обдумывал все это, а ноги уже сами несли меня к школе, и я изо всех сил пытался не бежать быстрее, чем положено обычному человеку. Попутно прикидывал план действий: я не стану творить ничего привлекающего внимания, крушить стены тренерской или похищать Женьку. Просто понаблюдаю, какие люди приедут за Карамышем, куда его повезут. Если, конечно, вообще приедут.

И еще из сообщений безопасности я по пути набрал сообщение Димке: «Привет. В школе есть еще один парень из наших. Сейчас на него подозрительно наехал тренер Гай, иду выручать. С тренером нечисто, как считаешь?»

Впереди по курсу уже нарисовалось желтеющее сквозь очередной снегопад здание нашей школы, когда в кармане пискнул телефон, извещающая об эсмэске.

«Быстро Димка среагировал», – решил я, но сообщение пришло от Бриджит. И его содержание заставило меня тут же забыть про Женьку и рвануть в сторону нашего лесопарка.

«Лагерь атакован. На помощь!»

Позабыв об осторожности, я припустил во весь опор, хорошо хоть, это была уже окраина города и людей здесь в дневное время встречалось мало. Наверное, и пяти минут не прошло, как я уже достиг металлического забора, с ходу перелетел через него, а через мгновение ворвался в занесенное снегом верхнее здание.

На первый взгляд все здесь было как всегда: тщательно застеленные постели, минимум вещей на тумбочках, призванных создать иллюзию, что здесь обитают подростки. Люк, как всегда, плотно закрыт и почти не заметен в дощатом полу. Не размышляя, я сорвал крышку и ухнул вниз.

Но и внизу все выглядело нормально, без перемен. Золотое теплое свечение нашего негаснущего неба, сочная трава под ногами, чубарый конь Пегас, забредший поближе к жилым пещерам в поисках общения и теперь дружелюбно косивший на меня темный влажный глаз. Никаких следов разрушений или схватки, но и наших на поляне никого не видеть. И я помчался в сторону жилых пещер и классов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.